

К ЧИТАТЕЛЯМ

Уважаемый читатель!

После непродолжительного перерыва специализированный правовой журнал «Пролог: журнал о праве» возобновляет свою деятельность и несколько изменяет свое название. Теперь журнал называется «Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal» (ЭЛ № ФС 77 – 64776). Журнал по-прежнему включает в себя «все о праве» и ориентирован на органичное сочетание теоретического анализа существующих правовых проблем, анализ практических предложений по совершенствованию законодательства, сделанных на основе обобщения судебной практики, оценку реформ норм частно-правовой и публично-правовой природы. Единственным содержательным изменением является отказ от бумажной версии журнала и регистрация его сетевой версии, а техническим – некоторая корректировка членов редакционной коллегии и редакционного совета журнала.

Учредителем журнала является Всероссийский государственный университет юстиции, а его издателем – Иркутский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России). Сообщаем также, что журнал «Пролог: журнал о праве» никогда не переименовывался и не перерегистрировался с иным названием, за исключением вышеупомянутого.

Все статьи, опубликованные в нашем журнале, будут, как и раньше, включаться в Российский индекс научного цитирования – национальную информационно-аналитическую систему, которая предназначена для оперативного обеспечения научных исследований актуальной справочно-библиографической информацией, а также является мощным инструментом, позволяющим оценивать уровень научных журналов, результативность и эффективность деятельности ученых и научно-исследовательских организаций.

Надеемся, что незначительный перерыв в опубликовании журнала, вызванный организационными моментами, никак не отразится на круге наших читателей и авторов, к которым традиционно относятся научно-педагогические и практические работники, аспиранты, студенты – все, кто интересуется правом, хочет высказать свое мнение и принять участие в дискуссиях о праве на страницах журнала.

Мы приглашаем Вас к активному сотрудничеству и надеемся на конструктивную «обратную» связь. Будем искренне рады общению с Вами!

Редакционная коллегия и редакционный совет

УДК 342
ББК 67.400
III 97

В.Н. Шутова

*кандидат юридических наук
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного уни-
верситета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация*

ПРОБЛЕМЫ ПОСТРОЕНИЯ ПРАВОВОГО ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ ОДНОСТОРОННЕЙ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННЫХ НОРМ В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается один из признаков правового государства – верховенство правового закона. Этот признак связывается автором с реализацией конституционных положений в текущем законодательстве и с качеством законодательства в целом. Анализируются нормы отдельных нормативных правовых актов и выявляются такие негативные тенденции, как нереализация и нейтрализация конституционных норм, в результате чего нередко наблюдается искажение смысла конституционных предписаний. Автор приходит к выводу, что текущее законодательство в РФ, которое не должно противоречить Конституции, тем не менее, нередко приводит к односторонней реализации конституционных положений. В этой ситуации нельзя говорить о верховенстве правового закона в Российской Федерации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Правовое государство, реализация Конституции РФ, нейтрализация норм Конституции, верховенство закона.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Шутова В.Н. Проблемы построения правового государства в условиях односторонней реализации конституционных норм в российском законодательстве // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

V.N. Shutova

*Candidate of Juridical Sciences
Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation*

THE PROBLEM OF BUILDING A CONSTITUTIONAL STATE IN CONDITIONS OF ONE-SIDED IMPLEMENTATION OF CONSTITUTIONAL NORMS IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

The article focuses on one of the characteristics of a constitutional state, supremacy of the constitutional law. The author considers this characteristic alongside with the implementation of the constitutional provisions in the present legal system and the quality of law as a whole.

The paper analyzes certain normative legal acts and reveals such negative tendencies as nonfulfillment or neutralization of constitutional norms, which results in the distortion of meaning of constitutional provisions. The author comes to the conclusion that the present legal system of the Russian Federation, which should not run counter to the Constitution, often leads to the one-sided implementation of constitutional provisions. This situation makes it impossible to talk about the supremacy of law in the Russian Federation.

KEYWORDS

Law-governed state, implementation of the Constitution of the RF, neutralization of the constitutional norms, supremacy of law.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Shutova V.N. The Problem of Building a Constitutional State in Conditions of One-Sided Implementation of Constitutional Norms in the Russian Legal System // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

Конституция РФ провозглашает Российскую Федерацию правовым государством, определяя тем самым идеальную модель, к которой необходимо стремиться.

Между тем, чтобы выяснить, насколько Россия приблизилась к этой модели, следует обратиться к признакам правового государства и проанализировать, насколько они отражают реально сложившиеся общественные отношения.

Одним из признаков правового государства является верховенство правового закона. Этот признак часто формулируют просто как верховенство закона, однако, следует согласиться с мнением Н.А. Пьянова, утверждающего, что в правовом государстве закон должен не только господствовать над подзаконными нормативно-правовыми актами, но и основываться на праве, не допускать своеволия законодателя [6, с. 97]. Между тем, некоторая степень «своеволия» присуща современному российскому законодателю. Достаточно большой объем постановлений Конституционного Суда Российской Федерации по делам о соответствии Конституции РФ федеральных законов свидетельствует о том, что депутаты Государственной Думы Федерального Собрания РФ не часто задаются вопросом о соответствии принимаемых законов Конституции РФ [5, с. 1123]. Хотя, бесспорно, законодателю необходимо руководствоваться в своей деятельности именно Конституцией РФ, воспринимая не только ее букву, но и дух. В связи с этим следует подробнее остановиться

на проблеме реализации конституционных норм и положений в законодательстве, на соответствии законов Конституции и на качестве текущего законодательства.

Детально регламентируя многие, даже частные, вопросы организации и деятельности государства и его органов, Конституция РФ в то же время содержит общие и не отличающиеся формальной определенностью положения, которые формулируют лишь наиболее важные начала правового регулирования общественных отношений. Это закономерно и вполне объяснимо, но влечет за собой ряд проблем, связанных с принятием и реализацией нормативно-правовых актов, развивающих и конкретизирующих положения Конституции РФ в указанной сфере. И.А. Кравец отмечает, что при реализации конституционных норм допускается в силу компетенции законодателя принятие федеральных законов, обеспечивающих реализацию конституционных прав и свобод при неизменности их основного содержания. Кроме того есть нормы Конституции РФ, которые в обязательном порядке подлежат законодательному уточнению, конкретизации в федеральных конституционных законах, федеральных законах, законодательстве субъектов Федерации. Без подобных законодательных актов конституционные положения не обеспечиваются механизмом реализации [4, с. 360-364]. При этом акцент следует сделать на требовании от законодателя сохранения неизменности основного содержания конституционных положений.

В современной же российской действительности существуют такие проблемы, как нереализация [2, с. 311] или односторонняя реализация, а в некоторых случаях даже нейтрализация норм Конституции РФ в текущем законодательстве [3, с. 163].

Обращаясь к этим проблемам, следует отметить, что нереализация и нейтрализация имеют, как представляется, разные смысловые значения. Термин «нереализация» используется профессором С.А. Авакьяном при характеристике проблемы соотношения норм Конституции РФ с нормами текущего законодательства. Однако он не раскрывает значения этого слова. Представляется, что о нереализации норм Конституции РФ можно говорить в том случае, когда федеральные конституционные или федеральные законы, посредством которых должны воплощаться в жизнь положения Конституции РФ, не принимаются. Так, в частности, до принятия в 2002 году Федерального закона «Об альтернативной гражданской службе» крайне затруднительно было реализовать нормы части 3 статьи 59 Конституции РФ, поскольку отсутствовал механизм их реализации. Эта ситуация как раз и может служить примером нереализации конституционных положений.

Кроме того, нереализацией можно считать и такие случаи, когда соответствующие федеральные законы приняты, но не содержат адекватного механизма их реализации. В этом случае следовало бы, основываясь на анализе практики правоприменения, инициировать изменения в подобные законы. Но, к сожалению, часто ситуация остается неизменной: федеральный закон, призванный реализовать положения Конституции Российской Федерации, действует, но не работает.

Если обратиться к термину «нейтрализация», то, как представляется, он означает более серьезные проблемы в качестве текущего законодательства. Возможность нейтрализации возникает в ходе конкретизации конституционных положений посредством норм законов и подзаконных актов, когда законодатель может существенно изменить содержание конституционных норм.

Представляется, что нейтрализация конституционных норм – это искажение их смысла в текущем законодательстве, которое ведет к затруднению реализации кон-

ституционных прав, а иногда и к полному блокированию возможностей граждан осуществить свои конституционные права.

Примером нейтрализации норм Конституции РФ может быть Федеральный конституционный закон №5-ФКЗ «О референдуме Российской Федерации»¹. Названным законом существенно затрудняется реализация конституционного права граждан, провозглашенного статьей 32 Конституции РФ. Закрепив сложный порядок реализации права граждан на участие в референдуме, ограничения, связанные с временем проведения референдума, Федеральный конституционный закон практически сводит к минимуму реальную возможность проведения референдума в РФ, а кроме того, как справедливо отмечает С.А. Авакьян, нацелен на то, чтобы исключить народную инициативу [1, с. 6].

Другой пример искажения смысла конституционной нормы в законодательстве – Федеральный закон №326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в РФ». Названный Федеральный закон связывает право на бесплатную медицинскую помощь, оказываемую в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения, с наличием у человека полиса обязательного медицинского страхования, нарушая тем самым принцип равенства прав и свобод, поскольку возможность законного получения полиса предоставлена не всем категориям граждан.

Множество нареканий со стороны ученых и практиков вызывает Федеральный закон №82-ФЗ «Об общественных объединениях». Не вдаваясь в критику отдельных положений этого нормативно-правового акта, можно отметить хотя бы тот факт, что федеральный закон устанавливает закрытый перечень форм общественных объединений, которые могут создавать граждане, исключая, тем самым возможность самостоятельно выбирать иную форму объединения. Представляется, что такое законодательное ограничение идет вразрез со смыслом статьи 30 Конституции РФ.

¹ О референдуме Российской Федерации: Федеральный конституционный закон от 28 июня 2004 № 5-ФКЗ (ред. от 24.04.2008) // СЗ РФ. – 2004. – № 27. – Ст. 2710.

Конечно, это лишь отдельные примеры. Перечень спорных положений текущего законодательства можно продолжить. Но следует упомянуть и о проблеме непринятия должных законов. Речь идет как о тех федеральных конституционных и федеральных законах, которые прямо предусмотрены в Конституции РФ, так и о законах, которые должны приблизить Россию к реализации принципов конституционного строя, закрепленных в Конституции РФ. До настоящего времени не принят Федеральный конституционный закон о Конституционном Собрании, прямо предусмотренный в Конституции РФ. Кроме того, в литературе неоднократно поднимался вопрос о необходимости принятия закона о Президенте РФ, хоть это прямо и не предусмотрено Конституцией РФ [3, с. 169]. Необходимость такого нормативного правового акта обусловлена наличием законов, закрепляющих правовой статус, компетенцию всех высших органов государственной власти в Российской Федерации, за исключением Президента РФ.

В целом, можно отметить, что действующая Конституция РФ заслуживает доста-

точно высокие оценки экспертов, соответствует требованиям международных стандартов. А проблемы, освещенные выше, характеризуют не саму Конституцию, а недостатки современного законодательства и отсутствие государственной воли, направленной на реализацию конституционных положений.

Таким образом, складывается ситуация, когда текущее законодательство в РФ, которое не должно противоречить Конституции, тем не менее, нередко приводит к односторонней реализации конституционных положений. Преследуя цель конкретизировать нормы Конституции и установить механизм их реализации, законодатель между тем искажает смысл конституционных предписаний.

В этой ситуации нельзя говорить о верховенстве правового закона в Российской Федерации. Для того чтобы сделать еще один шаг в сторону правового государства, необходимо исключить риск не только правоприменительного произвола, но и гарантировать надлежащее качество текущего законодательства, не допуская искажения в нем конституционных положений.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Авакьян С.А. Конституция Российской Федерации: итоги развития / С.А. Авакьян // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – №23. – С. 4-8.
2. Авакьян С.А. Конституция России: природа, эволюция, современность / С.А. Авакьян. – М.: Сашко, 2000. – 426 с.
3. Денисов С.А. Средства и приемы законодательной техники, обеспечивающие нейтрализацию норм Конституции РФ / С.А. Денисов // Юридическая техника. – 2012. – № 6. – С. 163-170.
4. Кравец И.А. Российский конституционализм: проблемы становления, развития и осуществления / И.А. Кравец. – СПб.: Юрид. центр Пресс, 2004. – 675 с.
5. Муратшин Ф.Р. О возможностях теоретико-правового прочтения конституционных норм / Ф.Р. Муратшин // Вестник Башкирского университета. – 2012. – Т.2. – № 2. – С. 1122-1124.
6. Пьянов Н.А. Теория государства и права. В 2 ч. Ч. 2. Теория права: учебное пособие / Н.А. Пьянов. – Иркутск: Изд-во ИГУ, 2011. – 391 с.

УДК 347.2/3
ББК 67.404.19

С.И. Сулова

*заместитель директора по научной работе
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного уни-
верситета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация*

ПРЕКРАЩЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ В СЛУЧАЕ БЕСХОЗЯЙНОГО СОДЕРЖАНИЯ ЖИЛОГО ПОМЕЩЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

Анализируется правовая природа обязанностей собственника жилого помещения по содержанию вещи, исследуется соотношение таких категорий как обязанность собственника по содержанию вещи и бремя содержания вещи. На основе анализа юридической литературы, российского законодательства и правоприменительной практики делается вывод об особом характере рассматриваемых обязанностей, а также предлагаются изменения норм гражданского законодательства по данному вопросу.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Содержание вещи; обязанность; жилое помещение; прекращение права собственности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Сулова С.И. Прекращение права собственности в случае бесхозяйного содержания жилого помещения // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

S.I. Suslova

*Deputy Scientific Director
Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation*

TERMINATION OF OWNERSHIP RIGHTS IN CASE OF OWNERLESS RESIDENTIAL MAINTENANCE

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

The article explores the legal nature of the homeowner's duties to maintain his property. It also studies the relationship of such categories as the homeowner's duty to maintain property and the burden of possession. Having analyzed judicial literature, the Russian law, and judicial practice, the author comes to the conclusion that the duties under consideration have a specific nature. Also the paper suggests some changes into the norms of the civil law on this issue.

KEYWORDS

Property maintenance; duty; residential unit; termination of ownership rights.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

S.I. Suslova. Termination of Ownership Rights in Case of Ownerless Residential Maintenance // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

В российском гражданском праве уже на протяжении двадцати лет существует норма, в соответствии с которой собственник жилого помещения, бесхозяино содержащий его, может быть лишен права собственности в судебном порядке с соблюдением строго установленной процедуры (ст. 293 ГК РФ). Содержание данной нормы свидетельствует о достаточно нетипичной конструкции для частного права, что требует доктринальных исследований, а незначительное удовлетворение данных исков в судебной практике вызывает необходимость анализа правоприменения в данной области общественных отношений.

Теоретический аспект проблемы. Поскольку прекращение права собственности на жилое помещение в соответствии со ст. 293 ГК РФ может произойти в том случае, если собственник бесхозяино содержит жилое помещение, допуская его разрушение, то основной теоретической проблемой, требующей разрешения в свете обозначенной темы, является определение правовой природы обязанностей собственника жилого помещения и ответственности за их несоблюдение. Установление нормами частного права указанных обязанностей и оценка их правовой природы всегда вызывала споры в юридической литературе. Абсолютное господство собственника над своей вещью, как правило, не предполагает существование каких-либо обязанностей перед третьими лицами, связанными с содержанием объекта права. Однако их прямое законодательное закрепление (в частности, в отношении жилых помещений) требует определения места указанных обязанностей в возникающих правоотношениях. Именно поэтому различного рода долженствования собственника (чаще всего именуемые его бременем) относят либо к сфере реальных (фактических) отношений [12, с. 301], либо рассматривают как оборотную (отрицательную) сторону содержания права собственности [8, с. 176, 177, 238], либо напрямую включают долженствования собственника в содержание правомочий владения, пользования и распоряжения [5, с. 14]. Некоторые авторы, не обнаруживая у долженствований собственника «адресата» в виде обладателя

субъективного права, приходят к выводам о том, что категория бремени есть «естественное следствие права собственности» [10, с. 80]. Однако, представляется, что считать данные обязанности традиционными гражданско-правовыми обязанностями нет оснований, поскольку нет того субъективного права, существование которого бы данная обязанность обеспечивала: ни права неопределенного количества лиц, ни права конкретного субъекта. Невозможно и понуждение к исполнению такой обязанности со стороны третьих лиц, считающих, что их «права» нарушены.

Нельзя также разделить позицию о публично-правовом характере обязанностей собственника по содержанию жилого помещения в связи с тем, что она не позволяет дать однозначных ответов на следующие вопросы. Неужели публичное право нуждается в «дозволении» со стороны частного права в установлении подобного рода обязанностей? Почему содержание данных обязанностей формулируется в источниках частноправовой направленности? Почему последствия их неисполнения закрепляются там же и подчинены общим правилам гражданско-правовой ответственности, о чем прямо говорят и разъяснения высших судебных инстанций¹? На каком основании публично-правовая обязанность вдруг частично «передается» третьим лицам, на основании либо норм закона, либо их договоренностей? Вероятно потому, что природа данных долженствований не носит публично-правового характера. Первоначальное появление указанных норм, действительно, было связано исключительно со сферой

¹ В частности, из содержания абзаца второго пункта 10 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 02.07.2009 № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации» следует, что лишение права собственности на жилое помещение в порядке ст. 293 ГК РФ по существу является мерой гражданско-правовой ответственности, применяемой к собственнику жилого помещения при нарушении установленных законом пределов осуществления права собственности на жилое помещение.

публичного права. Так, Е.В. Васьковский писал, что подобные «ограничения» есть ничто иное как публично-правовые обязанности административного характера, лежащие на владельцах недвижимости, никто из частных лиц не может понудить собственника путем гражданского судопроизводства к исполнению этих обязанностей. За их выполнением следят органы государства и в случае необходимости применяют административные меры к нарушителям [2, с. 122]. Однако реалии современности не позволяют согласиться с таким утверждением.

В силу специфического характера данных обязанностей согласимся с тем, что природу данных долженствований нужно искать в интересе субъекта. Закон возлагает данные долженствования для того, чтобы способствовать наиболее эффективной реализации принадлежащего субъективного права. Это «обязанности», которые можно назвать «обязанностями для себя», «эгоистическими обязанностями», адресатом положительного эффекта от их исполнения является, в первую очередь, сам обладатель этого права². Безусловно, что от того, что собственник содержит свое имущество, плюсы получает как все общество, государство, так и его отдельные представители (например, соседи), но от этого данное долженствование не превращается в публично-правовую обязанность, как и от того, что ее установил закон. В этой связи совершенно справедливыми выглядят следующие слова Д.Б. Савельева: собственник несет расходы на содержание своего имущества не в силу обязательства перед кем-либо, а исходя из собственных интересов [9, с. 11-112].

Предлагаем называть данные долженствования правореализационными обязанностями собственника, т.е. такой правовой формой должного поведения обладателя субъективного права собственности, которая направлена на создание условий для эффективного осуществления своего права. Именно тогда, когда нормы частного права возлагают на собственника обязанность по

² Данные долженствования очень близки с такой правовой формой как кредиторские обязанности, т.е. такими долженствованиями, которые установлены в интересах активного участника обязательственного правоотношения.

содержанию вещи, итоговой целью которых является сохранение объекта, возникает феномен совпадения права и обязанности. Одновременное существование схожей по содержанию возможности и долженствования позволяют ученым делать ошибочные выводы о том, что обязанность по содержанию вещи включается в правомочия субъективного права. Однако, это недопустимо. Данные долженствования представляют собой самостоятельную правовую форму.

Более детальное обращение к вопросу о содержании обязанностей собственника по содержанию вещи позволяет отметить, что анализ таких обязанностей, как правило, ограничивается их перечислением, без анализа природы таких обязанностей и их места в существующих правовых формах. В связи с этим выяснение вопросов о содержании понятий «бремя», «обязанность собственника», «субъективное право собственности», «ограничение права собственности» и их соотношении становится как никогда актуальным.

В рамках данной работы остановимся на соотношении понятий «обязанность собственника по содержанию вещи» и «бремя собственника по содержанию вещи», актуальность которого подчеркивается и Проектом федерального закона «О внесении изменений в части первую, вторую, третью и четвертую Гражданского кодекса Российской Федерации, а также в отдельные законодательные акты Российской Федерации» в котором содержится ст. 234, впервые разграничившая данные понятия³.

В юридической литературе исследователи обращаются к анализу категории «бремя содержания» не часто, что приводит к разноплановым ее интерпретациям, как в учебной, так и научной литературе. Обобщив то, каким образом данное понятие используется, можно выделить три основных подхода:

³ Статья 234. Бремя содержания вещи 1. Собственник несет бремя содержания принадлежащей ему вещи, если иное не предусмотрено законом или договором. 2. В случаях, предусмотренных настоящим Кодексом или иными законами, на собственника может быть возложена обязанность содержать принадлежащую ему вещь в надлежащем состоянии и нести связанные с этим расходы.

а) бремя – это единая обязанность или совокупность гражданско-правовых обязанностей собственника.

Так, в частности, Л. В. Кузнецова пишет, что «под бременем содержания имущества в гражданском праве понимается гражданско-правовая обязанность субъекта права совершать определенные действия (а равно воздерживаться от совершения некоторых действий), а также нести расходы, обусловленные и связанные с обладанием имуществом, пользованием или в некоторых случаях с возможностью распоряжения им» [7, с. 14].

б) бремя – это не есть ни единая обязанность, ни совокупность обязанностей собственника, а лишь удобный юридический термин, через который законодатель отразил идею о социальной функции собственности (о значимости ее не только для отдельного собственника, но и всего общества и государства, а потому о рекомендациях и долге собственника по заботе о своем имуществе). Наиболее четко об этом сказал А.П. Сергеев: «бремя собственности не является для собственника юридической обязанностью. Скорее это внутренне присущее всякому расточительному хозяину **естественное стремление** использовать вещь как можно дольше» [6];

в) бремя – это широкое понятие, которое охватывает в определенных случаях обязанности собственника, в других – его социальный долг.

В большей степени эта позиция применима к тем работам, где бремя содержания собственности раскрывается через обязанности совершения определенных действий, тем не менее, прямое указание о том, что бремя содержания есть или нет обязанность собственника, и всегда ли она таковой является, отсутствует [11, с. 193-195].

Представляется, что отождествление обязанности собственника по содержанию вещи и бремени его содержания недопустимо. Во-первых, обозначение одним и тем же термином одинаковых явлений в праве не может иметь места. Во-вторых, подобное отождествление допустимо только в том случае, когда обосновано наличие схожих признаков у юридической обязанности и бремени ее содержания. Указанное выше требует обращение к исследованиям в области понятия и содержания юридической обязанности.

Как отмечается в юридической литературе «юридические обязанности вообще и частноправовые в особенности относятся к категории мало исследованных (слабо разработанных) правовых явлений» [1, с. 412]. Но, несмотря на дискуссионность ряда подходов и положений, полагаем, что правовое явление следует считать гражданско-правовой обязанностью, если:

а) имеется долженствование для определенного лица;

б) данное долженствование обеспечивает возможность реализации субъективного права. Такое обеспечение проявляется в том, что последствием ее неисполнения является либо возможность прибегнуть к принудительной силе государства для непосредственного ее осуществления, либо возможность применения негативных последствий, что выступает для лица стимулом к определенному поведению. Причем как в том, так и в другом случае возможно также использование механизма гражданско-правовой ответственности.

В юридической литературе в понятие «бремя содержания имущества» традиционно включают:

– обязанность обеспечить сохранность имущества (охрана, страхование, особое хранение);

– обязанность нести расходы по поддержанию имущества в надлежащем состоянии;

– проведение текущего и капитального ремонта;

– обязанность по уплате налогов, сборов и иных платежей, связанных с обладанием;

– обязанность соблюдения норм и правил пользования этим имуществом.

Попытка систематизировать действия, которые собственник должен совершать для надлежащего исполнения возложенного на него бремени, позволяет увидеть, что данные «долженствования»: а) закреплены как нормами частного, так и публичного права; б) касаются совершения собственником как фактических (например, ремонт), так и юридических действий (например, страхование объекта); в) касаются совершения собственником активных действий, а также воздержания от совершения определенных действий. Указанное наглядно

демонстрирует, что такое понимание бремени собственника, действительно, приводит к его смешению не только с понятием обязанности, но и с ограничениями субъективного права собственности. Соответственно такой подход допустим только в том случае, если а) рассматривать бремя собственника как собирательное понятие, охватываемое широкий спектр правовых форм «долженствований» собственника; б) отводить понятию «бремени» исключительно значение результата отражения социальной функции собственности; в) практическое использование понятия бремени видеть в том, что ст. 210 ГК РФ направлена не на установлении того, *что* должно делать (или не делать) лицо, неся бремя содержания, а на то, *кто* должен это бремя нести; г) последствием неисполнения долженствований, включающихся в бремя, считать исключительно несение рисков его утраты и повреждения; д) использовать категорию «бремя» для определения намерения лица по отношению к вещи: если лицо берет на себя бремя содержания вещи, то это означает, что оно считает себя ее собственником (добросовестный владелец) или желает им стать (наследник). Так, именно в таком русле соответствующий термин используется в нотариальной практике. В частности, отмечается, что «принятое наследство признается принадлежащим наследнику со дня открытия наследства..., что означает, в частности, что с этого момента, ... на него возлагается бремя содержания наследственного имущества: уплата долгов наследодателя, уплата коммунальных платежей, налогов и т.п.»⁴. Кроме этого те долженствования, которые включают в понятие «бремени содержания вещи» далеко не всегда можно отнести к действиям, обеспечивающим именно *содержание* объекта. Под содержанием вещи следует понимать такие действия собственника, которые должны обеспечивать ее физическую целостность, сохранность и поддерживали бы ее в том состоянии, в котором она будет пригодна выполнять свои основные функции. Ни страхование объекта, ни упла-

⁴ Методические рекомендации по оформлению наследственных прав: утверждены Правлением ФНП 28 февраля 2006 года // Нотариальный вестник. – 2006. – № 5.

та налогов и некоторых иных обязательных платежей никак не могут отразиться на состоянии вещи и ее целостности. В этой связи представляется правильным разграничение понятий «бремени *содержания* вещи» и «бремени собственника по отношению к своей вещи». При этом первое носит исключительно гражданско-правовое значение и может быть полностью сведено к гражданско-правовым формам: обязанностям и ограничениям. Второе – в большей степени к частному праву не относится и касается социальных аспектов понятия собственности.

Таким образом, понятие бремени собственника по отношению к своей вещи следует трактовать как *необходимое* поведение, а понятие «бремени *содержания* вещи» как *должное* поведение. Собственник, неся бремя своей собственности, действует так не столько в собственных интересах, сколько на пользу обществу в целом. Наложение на собственника обязанности поступить соответствующим образом в отношении своей вещи превращает данную необходимость в долженствование. В этом смысле весьма полезны те рассуждения, которые присутствуют в работе В. С. Ема с точки зрения его характеристики обязанности как необходимого поведения [4, с. 17-18]. Справедливая критика В. А. Белова об использовании данного термина не с общепринятым значением этого слова [3, с. 223] и следующий за этим логичный вывод о том, что от его применения следует отказаться в отношении понятия «обязанности», позволяет воспользоваться данной терминологической дискуссией для разграничения «бремени собственника по отношению к вещи» и «бремени собственника по содержанию вещи».

Практический аспект проблемы. На протяжении многих лет обнаружить в российской судебной практике примеры не только удовлетворения, но и даже подачи соответствующих исков было невозможно. Несмотря на то обстоятельство, что даже в случае виновного поведения собственник может быть лишен права собственности только на возмездных началах, основной тенденцией правоприменения можно было считать защиту прав проживающего со ссылкой на общую норму ст. 40 Конституции РФ о том, что каждый гражданин имеет право на жилище. В последние несколько лет ситуация несколько изменилась.

Во-первых, иски о прекращении права собственности и о продаже жилого помещения с публичных торгов стали не только подаваться, но и удовлетворяться. Вместе с тем, нельзя не отметить несколько негативных моментов. В силу того, что обязанность по содержанию вещи не должна рассматриваться как публично-правовая обязанность, то, соответственно, не представляется правильным наделение лишь публичных органов возможностью требовать прекращения субъективного права собственности, как это имеет место в ст. 293 ГК РФ. Судебная практика очень последовательна в соблюдении указанных норм законодательства, что выражается в отказе в удовлетворении исков о прекращении права собственности на жилое помещение, поданных, в частности, сособственниками или соседями⁵. Более того, неудачная формулировка указанной нормы, в которой закреплено лишь право(!) органа местного самоуправления обращаться с соответствующими исками в суд, практически лишает третьих лиц возможности защитить свои интересы. Так, показательно решение Ханкайского районного суда Приморского края от 30 декабря 2013 года⁶, в соответствии с которым было оказано в удовлетворении требования о понуждении органа местного самоуправления обратиться с иском о прекращении права собственности на бесхозно содержащее жилое помещение. Основная аргументация, использованная судом, сводилась к двум аргументам: 1. к буквальному толкованию ст. 293, где действительно, закреплено право (а не обязанность) органа местного самоуправления совершать указанные в статье действия; 2. к утверждению о том, что обязанности обращаться в суд нет еще и потому, что в многоквартирном доме нет муниципальных квартир. И если первый тезис вызван неудачностью законодательной формулировки, которая явно нуждается в корректировке, то второй не выдерживает

⁵ См., например, Решение Красносельского районного суда (Костромская область) № 2-101/2014~М-62/2014 от 14.04.2014 // rospravosudie.com

⁶ Решение Ханкайского районного суда Приморского края от 30 декабря 2013 года № 2-587/2013~М-592/2013 // rospravosudie.com

никакой критики в силу явного противоречия законодательным нормам.

Во-вторых, по причине отсутствия возможности обращаться с исками о прекращении права собственности и сложностью привлечения к этому органов публичной власти, единственным способом защиты прав лиц, страдающих от таких действий собственника, становятся иски об устранении препятствий в пользовании вещью (негативные требования), которые часто выражаются в конкретных требованиях по совершению или несовершению определенных действий со стороны нарушителя права. Так, существуют далеко не единичные примеры удовлетворения судами исков о возложении обязанности не содержать в доме домашних животных или возложении обязанности отапливать помещение⁷. Причем следует обратить внимание, что в приведенных примерах отсутствуют ссылки на ст. 304 ГК РФ, а удовлетворяются требования об исполнении правореализационной обязанности в силу ее несоблюдения. Представляется, что удовлетворение таким образом сформулированных исковых требований больше объяснимо с позиции гуманных соображений, чем норм законодательства, а исполнимость подобных судебных решений представляется более чем сомнительной.

Нельзя не отметить и то обстоятельство, что в судебной практике в значительной степени представлены и мировые соглашения, которые заключаются между органами местного самоуправления и собственником, при отсутствии возражений со стороны проживающих по соседству лиц, о добровольном прекращении (продаже) жилого помещения. Указанные примеры, а также возможность понуждения к исполнению правореализационных обязанностей со стороны не публичных органов, а третьих лиц, еще раз подтверждает частнопредметной характер анализируемых должностных и необходимостью рассмотрения их в качестве самостоятельной правовой формы.

⁷ Решение Красноборского районного суда (Архангельская область) № 2-112/2014~М-25/2014 от 03.03.2014 года // rospravosudie.com

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белов В.А. Гражданское право. Общая часть. Т. 1. Введение в гражданское право / В.А. Белов: учебник. – М.: Издательство Юрайт, 2011. – 521 с. – (Магистр).
2. Васьяковский Е.В. Курдиновский В. К учению о легальных ограничениях права собственности на недвижимость в России. Одесса, 1899. 384 с. // Цит. по: Микрюков В.А. Ограничения и обременения гражданских прав / В.А. Микрюков. – М.: Статут, 2007. – 255 с.
3. Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. – М.: Юрайт-Издат, 2007. – 993 с.
4. Ем В. С. Категория обязанности в советском гражданском праве (вопросы теории) / В.С. Ем: дисс. ... канд. юрид. наук. – М., 1981. – 209 с.
5. Камышанский В.П. Право собственности: пределы и ограничения / В.П. Камышанский. – М.: ЮНИТА-ДАНА, Закон и право, 2000. – 303 с.
6. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть первая: учебно-практический комментарий (постатейный) / под ред. А. П. Сергеева. – М.: Проспект, 2010.
7. Кузнецова Л. В. Вещные права на имущество и бремя его содержания / Л.В. Кузнецова // Вещные права: постановка проблемы и ее решение: сб. ст. / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. – М.: Статут, 2011. – С. 8-31.
8. Маттеи У. Основные принципы права собственности / У. Маттеи, Е.А. Суханов. – М.: Юристъ, 1999. – 384 с.
9. Савельев Д.Б. Совершенствование законодательства о кондоминиумах в целях обеспечения прав домовладельцев / Д.Б. Савельев: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2002. – 170 с.
10. Скловский К.И. Применение гражданского законодательства о собственности и владении. Практические вопросы / К.И. Скловский. – М.: Статут, 2004. – 365 с.
11. Сулова С.И. Соотношение бремени и обязанности собственника по содержанию имущества / С.И. Сулова // Второй пермский конгресс ученых-юристов: матер. междунар. научно-практ. конф. (г. Пермь, Перм. гос. нац. иссл. ун-т, 27-28 октября 2011 г.) / отв. ред. О.А. Кузнецова; Перм. гос. нац. иссл. ун-т. – Пермь, 2011. – С. 193-195.
12. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности / Е.А. Суханов. – М.: Юрид. лит., 1991. – 239 с.

УДК 343.7
ББК 67.498.122.40

И.М. Серeda
*доктор юридических наук, профессор
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного уни-
верситета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация*

ОБЩЕСТВЕННАЯ ОПАСНОСТЬ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, ПРЕДУСМОТРЕННЫХ СТАТЬЯМИ 198, 199 УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РФ (УКЛОНЕНИЕ ОТ УПЛАТЫ НАЛОГОВ И (ИЛИ) СБОРОВ)

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросам криминализации уклонения от уплаты налогов и (или) сборов. Автор поддерживал позицию большинства ученых, отличает, что общественная опасность выступает основным принципом криминализации. Под общественной опасностью понимается возможность отрицательного влияния преступлений на социальные условия функционирования человека, общества и государства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Общественная опасность, налоги и (или) сборы, криминализация, уклонение, государственные внебюджетные фонды, налоговые преступления.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Серeda И.М. Общественная опасность преступлений, предусмотренных статьями 198, 199 Уголовного кодекса РФ (уклонение от уплаты налогов и (или) сборов) // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

I.M. Sereda
*Doctor of Juridical Sciences, Professor
Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation*

SOCIAL DANGER OF THE CRIMES STIPULATED IN ARTICLES 198, 199 OF THE RUSSIAN CRIMINAL LAW (EVASION OF TAXES AND LEVIES)

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

The article focuses on criminalization issues of evasion of taxes and levies. Supporting the opinion of most scholars, the author mentions that social danger is the main principle of criminalization. Social danger is understood as a possible negative effect of crimes on the life of a person, society, and state.

KEYWORDS

Social danger, taxes and levies, criminalization, evasion, state non-budget funds, tax crimes.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Sereda I.M. Social Danger of the Crimes Stipulated in Articles 198, 199 of the Russian Criminal Law (Evasion of Taxes and Levies) // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

По справедливому утверждению В.В. Лунеева, «ныне в сферу преступных зачислены все сколько-нибудь значимые угрозы для человека, общества и государства: личностные, нравственные, семейные, политические, экономические, общественные, экологические, транспортные, информационные, государственные, управленческие, правоохранные, военные, международные и др.» [15, с. 107]. Вместе с тем уголовно-правовое регулирование отдельных групп отношений продолжает свое развитие, что отчасти обусловлено изменением социально-политической и экономической обстановки в стране, прогрессирующей информатизацией общества, а также тем, что определенная часть общественно опасных деяний получает либо существенное развитие, либо более масштабное распространение.

Отнесение того или иного вида деяний в разряд общественно опасных с установлением за них уголовной ответственности представляет собой процесс криминализации. Наиболее полно отражая ее сущность, А.И. Коробеев определяет криминализацию как «выявление общественно опасных форм индивидуального поведения, признания допустимости, возможности и целесообразности уголовно-правовой борьбы с ними и фиксации их в законе в качестве преступных и уголовно наказуемых» [9, с. 59].

Криминализация – один из основных методов уголовно-правовой политики, цель ее состоит в создании единой системы норм, устанавливающих ответственность за совершение общественно опасных действий (бездействия). Признание на законодательном уровне того или иного деяния преступным служит результатом возникшей объективной необходимости социума в охране наиболее значимых общественных отношений, поэтому вполне справедливо мнение Н.А. Лопашенко о том, что основанием криминализации «является существование общественно опасного поведения, требующего уголовно-правового запрета» [14, с. 285]. Наряду с этим, основанием для установления уголовной ответственности могут выступить: возникновение или существенное развитие новой группы общественных отношений; распростра-

нение деяний определенного вида, ранее редко встречавшихся; существенное изменение социально-политической обстановки в стране [13, с. 22]; обнаружение вредных последствий хозяйственной или иной деятельности людей [20, с. 205-206].

Появление основания криминализации становится отправной точкой для признания на законодательном уровне поведения преступным, которое должно осуществляться с учетом определенных принципов (критериев) криминализации. Принципы криминализации представляют собой «научно обоснованные и сознательно применяемые общие правила и критерии оценки допустимости и целесообразности уголовно-правовой новеллы, устанавливающей или изменяющей ответственность за конкретный вид деяний» [20, с. 208]. В уголовно-правовой науке на сегодняшний день существует множество систем принципов криминализации, которые, в общем, не противоречат друг другу, а, напротив, имеют некоторое сходство и вполне могут быть взяты за основу при установлении уголовной ответственности [22, с. 249-256; 20, с. 210-242; 1, с. 17].

Поддерживая позицию большинства ученых, отметим, что общественная опасность выступает основным принципом криминализации [6, с. 131; 30, с. 35; 4, с. 68; 27, с. 49; 21, с. 41]. В продолжение этого резонной представляется точка зрения А.И. Марцева о том, что «общественная опасность первична по отношению к признаку формальной запрещенности преступления, а признак запрещенности, в свою очередь, вторичен по отношению к общественной опасности» [17, с.7].

Под общественной опасностью понимается «возможность отрицательного влияния преступлений на социальные условия функционирования человека, общества, государства» [17]. Она «состоит в противоречии интересам общества и государства объективной и субъективной сторон поведения гражданина, виновно причиняющего или создающего реальную угрозу причинения существенного вреда определенным социальным ценностям» [24, с. 18]. Природа общественной опасности, по мне-

нию В.С. Прохорова, «заключена в том, что преступление приносит вред обществу, посягает... на такие ценности, которые жизненно важны для его нормального функционирования» [23, с.20].

Значимость анализа общественной опасности состоит в том, что она представляет собой базовую категорию. Раскрыть общественную опасность преступления – это значит показать, какой вред для общества несет данное преступление [11, с. 28]. И если единый подход к определению структуры общественной опасности в теории уголовного права отсутствует [12, с. 28; 5, с. 68; 19, с. 122], то уголовное законодательство выделяет в общественной опасности качественную сторону – характер и количественную – степень.

Характер общественной опасности уклонения от уплаты налогов проявляется в нескольких составляющих.

Согласно п. 1 ст. 8 Налогового кодекса Российской Федерации (далее НК РФ) под налогом понимается обязательный, индивидуально безвозмездный платеж, взимаемый с организаций и физических лиц в форме отчуждения принадлежащих им на праве собственности, хозяйственного ведения или оперативного управления денежных средств в целях финансового обеспечения деятельности государства и (или) муниципальных образований.

Прежде всего, общественная опасность уклонения от уплаты налогов и «заключается в не поступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации»¹. Налоговые доходы составляют около 85% всех поступлений консолидированного бюджета² и являются неотъемлемой его частью. За счет этих обязательных платежей финансируются оборонная и правоохранительная деятельность государства. Происходят поддержание и развитие жилищно-коммунального хозяйства, осуществляется пенсионное и социальное обеспечение населения, реализуется деятельность, направ-

ленная на повышение качества образования и здравоохранения. Не поступление запланированных денежных средств приводит к невозможности исполнения всех намеченных социальных и целевых программ, к необходимости экономить на значимых для населения страны направлениях бюджетной политики. Ухудшение ситуации с формированием доходной части ведет к образованию дефицита федерального бюджета, который приходится покрывать за счет увеличения внешнего долга и расходования средств Резервного фонда.

Более того, общественная опасность неуплаты налогов проявляется в том, что убытки несет не только бюджетная система страны, но и предприниматели, законопослушно уплачивающие налоги, вынужденные конкурировать с недобросовестными налогоплательщиками в неравных условиях. Дестабилизация добросовестной конкуренции между участниками экономического рынка провоцирует снижение темпов экономического развития, что влечет ухудшение положения всего общества и развитие негативных социальных тенденций. Скрытые от налогообложения доходы оседают в теневом секторе экономики или переводятся в зарубежные банки, детерминируя рост организованной преступности. В конечном счете, нарушается естественный процесс развития рыночных отношений и создается угроза экономической безопасности государства.

Наконец, неуплата налогов, постепенно приобретая все более масштабный характер, оказывает негативное влияние на общественное сознание и снижает уровень налоговой культуры населения. По данным фонда «Общественное мнение», около 22 % россиян полагают, что в жизни бывают ситуации, когда допустимо, простительно не платить налоги [18, с. 46]. Совершение налоговых преступлений не ассоциируется у граждан с чем-то явно противоправным. Участники рыночных отношений нередко для пополнения оборотных средств не пренебрегают возможностью сэкономить на налоговых платежах. Тенденция к несоблюдению налоговой дисциплины и открытому игнорированию конституционной обязанности платить налоги и сборы, по справедливому утверждению И. Н. Соловьева, приводит к созданию атмосферы безнаказан-

¹ О практике применения судами уголовного законодательства об ответственности за налоговые преступления: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 декабря 2006 г. № 64 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2007. – №3. – С. 18-23.

² По данным с официального (<http://www.goskazna.ru/reports/cb.html>).

ности при решении бизнес-интересов за счет государственного бюджета [26, с. 3]. На этом фоне происходит формирование правового нигилизма и, как следствие, появляется необходимость повышения налогового контроля и затрат на его осуществление.

Количественная характеристика общественной опасности уклонения от уплаты налогов находит свое юридическое выражение через крупный или особо крупный размер не поступивших в бюджет обязательных платежей. Размер неуплаченных налогов является обязательным признаком составов преступлений, предусмотренных ст. ст. 198, 199 УК РФ, и если он не достигает законодательно определенного уровня, то деяние не обладает необходимой степенью общественной опасности. Именно сумма не поступивших в бюджет государства налогов служит рубежом, который позволяет ограничить уголовно наказуемое деяние от налогового правонарушения, предусмотренного ст. 122 НК РФ «Неуплата или неполная уплата сумм налога (сбора)».

По данным Главного информационно-аналитического центра МВД России, в результате уклонения от уплаты налогов в период с 2004 по 2012 гг. в бюджетную систему страны не поступило 388 544 997 тыс. рублей³, т. е. в среднем около 43 млрд рублей в год. Для сравнения, на охрану окружающей среды ежегодно из консолидированного бюджета Российской Федерации и государственных внебюджетных фондов направляется около 30 млрд рублей⁴. Вместе с тем даже при совершении одного преступления бюджет недосчитывается огромных сумм. Так, будучи генеральным директором ООО «Н.», Г. при осуществлении деятельности по реализации нефтепродуктов в период с 1 января 2005 г. по 31 декабря 2007 г. уклонилась от уплаты налогов с возглавляемого ею предприятия на сумму 30 421 752 рубля⁵. Д., являясь генеральным директором и главным бухгалтером ООО «И.», внес в налоговые декларации заведомо ложные сведения о размере налогообла-

гаемой базы и не уплатил с ООО «И.» НДС за период с июля 2008 г. по декабрь 2009 г. в сумме 86 663 125 рублей⁶.

Тем не менее общественная опасность находит свое выражение не только в юридических признаках, но и в объективной действительности. За последние тридцать лет частный сектор экономики получил масштабное развитие, и, как следствие, в геометрической прогрессии увеличилось количество посягательств на сферу налогообложения. Если в период принятия Уголовного кодекса РСФСР⁷ 1960 г. необходимость в уголовно-правовых нормах об ответственности за налоговые преступления практически отсутствовала, то на сегодняшний день этот вопрос стоит не просто остро, а выходит на первый план. Подтверждением тому является неоднократное обращение внимания к проблеме неуплаты налогов со стороны Президента и Правительства Российской Федерации. Так, в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 г. указывалось, что «повышение собираемости налогов и выход бизнеса из тени должны способствовать поддержанию сбалансированности между расходами и доходами бюджетной системы»⁸. В Бюджетном послании Президента Российской Федерации Федеральному Собранию от 28 июня 2012 г. обращалось внимание на необходимость последовательных действий по предотвращению попыток уклонения от уплаты налогов не только в связи с недополучением бюджетом доходов, но и в связи с неравенством условий экономической дея-

⁶ Приговор Кузьминского районного суда г. Москвы по делу № 1-836/2010 от 09.12.2010 г. URL: <http://kuzminsky.msk.sudrf.ru/> (дата обращения: 11.02.2013).

⁷ Уголовный кодекс РСФСР // Ведомости Верховного Совета РСФСР. 1960. № 40, ст. 591.

⁸ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года) (ред. от 08.08.2009). [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17.11.2008 № 1662-р. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант - Плюс».

³ URL: <http://www.mvd.ru> (дата обращения: 11.02.2013).

⁴ URL: http://info.minfin.ru/kons_rash.php (дата обращения: 11.02.2013).

⁵ Приговор Омутинского районного суда Тюменской области от 12 июля 2010 г.

тельности. В числе основных направлений налоговой политики Российской Федерации на ближайшие годы определены оптимизация существующей системы налоговых льгот и освобождений, а также ликвидация имеющихся возможностей для уклонения от налогообложения.⁹

Наряду с этим, общественная опасность уклонения от уплаты налогов проявляется в том, что оно опосредованно влияет на иные сферы общественной жизни. Как справедливо отмечалось Г.И. Булановым, в каждом поступке, причинившем какой-либо вред общественным отношениям в момент его совершения, заложена, помимо фактически данного вреда, различная возможность причинения вреда общественным отношениям в последующем [3, с. 18]. Так, для ухода от налогообложения довольно часто используют услуги банковского сектора. Практикуются открытие расчетных счетов не ставшим на налоговый учет участникам предпринимательской деятельности, предоставление дополнительных счетов без информирования контролирующих органов, использование для расчетов депозитных счетов, корреспондентских счетов в других банках, а также счетов других клиентов. По данным исследователей, общий объем скрываемых таким путем доходов достигает 5 трлн. Рублей [16, с. 187].

Справедливым представляется утверждение И. Н. Соловьева о том, что «одной из составляющих общественной опасности налоговых преступлений является то, что они постепенно срастаются с иными видами экономических преступлений, с общеуголовной преступностью, а также с организованной преступностью и коррупционными проявлениями» [25, с. 122]. Так, Верховным Судом Республики Марий Эл было рассмотрено дело, в соответствии с обстоятельствами которого к начальнику отряда противопожарной службы Х. в начале 1998 г. обратился руководитель страховой фирмы Г. с предложением оформлять

фиктивные справки о не происходивших пожарах в застрахованных автомобилях за вознаграждение в размере 1 % от страховой суммы. Х. согласился и в течение 1998-1999 гг. оформил 25 фиктивных справок о пожарах и получил за это вознаграждение. По несуществующим страховым случаям Г. получал из кассы страховой фирмы деньги, чем уменьшал полученную прибыль и, как следствие, налогооблагаемую базу. Заведомо искаженные данные вносились в документы, представляемые в налоговые органы, в результате чего не были исчислены и уплачены в полном объеме налоги¹⁰.

Коррупционные проявления, сопровождающие уклонение от уплаты налогов, имеют место и в контролирующих органах. По мнению специалистов, более двух третей из общего числа лиц, занимающихся предпринимательской деятельностью, хотя бы один раз давали взятку чиновникам за уход от ответственности за уклонение от уплаты налогов [32, с. 152].

Исходя из вышесказанного, можно сделать вывод, что уклонение от уплаты налогов обладает достаточной степенью общественной опасности и обоснованность уголовно-правового запрета не вызывает сомнений. Своевременная корректировка и повышение уровня правовой защиты выступают залогом нормального развития российской экономики.

Общественная опасность и необходимость уголовной ответственности за посягательства на существующий порядок исчисления и уплаты обязательных платежей подтверждаются и контролируемыми его лицами. Согласно позиции сотрудников Федеральной налоговой службы г. Екатеринбурга и некоторых городов Свердловской области, уголовная ответственность представляет собой эффективное средство противодействия лицам, уклоняющимся от уплаты налогов. Такую точку зрения высказывают 74 % опрошенных. Среди сотрудников правоохранительных органов, чья

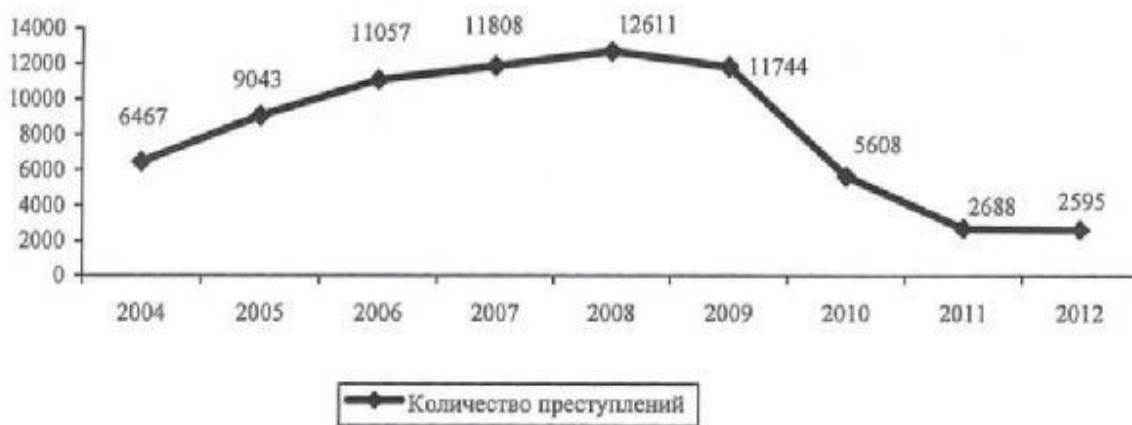
⁹ Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

¹⁰ Основные направления налоговой политики Российской Федерации на 2013 год и на плановый период 2014 и 2015 годов [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

деятельность непосредственно связана с выявлением и пресечением налоговых преступлений, наблюдается почти стопроцентная убежденность в необходимости уголовно-правового реагирования.

Общественная опасность уклонения от уплаты налогов находится в тесной связи с их распространенностью. Преступлениями признаются не единичные общественно опасные деяния, а обладающие прецедентным характером, несущие в себе свойство человеческой практики [29, с. 138]. Степень распространенности в качестве критерия, определяющего объективную потребность общества в криминализации, выделяют многие исследователи [20, с. 210-242]. Данные, характеризующие количество преступ-

лений, предусмотренных ст. ст. 198, 199 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в период с 2004 по 2012 гг., лучше представить в виде диаграммы. Выбор именно такого временного промежутка связан с тем, что анализ основных закономерностей и тенденций затрудняется несопоставимостью данных за различные периоды из-за изменения законодательства и практики его применения. В 2003 г. в Уголовный кодекс РФ были внесены значительные изменения, влияющие на структуру налоговых преступлений¹¹, а также была расформирована налоговая полиция и выделены отдельные подразделения по расследованию налоговых преступлений¹².

Рис. 1. Диаграмма количества преступлений, ответственность за которые предусмотрена ст. ст. 198, 199 УК РФ, зарегистрированных на территории Российской Федерации в период с 2004 по 2012 гг.¹³

Из приведенных данных видно, что вплоть до 2008 г. число ежегодно регистрируемых преступлений неуклонно росло. Снижение этого показателя началось с 2009 г. и продолжается по настоящее время.

Сложившуюся ситуацию можно объяснить несколькими причинами. До 2008 г. экономическая активность субъектов рынка с каждым годом увеличивалась, что провоцировало рост количества недобросовестных налогоплательщиков. С середины 2008 г. субъекты большого и малого предпринимательства начали испытывать на себе влияние кризисных явлений, практически перестали получать какую-либо прибыль, в связи с чем необходимость скрывать реальные доходы отпала. Это обусловило в 2009 г. небольшое снижение по отношению к 2008 г. писала зарегистрированных преступлений, ответст-

венность за которые наступает по ст. ст. 198, 199 УК РФ. Резкое уменьшение количества преступных посягательств, зарегистрированных в 2010 г., кроме влияния посткризисных явлений, было обусловлено увеличением с 1 января 2010 г. сумм крупного и особо крупного размера неуплаченных налогов, необходимых для привлечения к уголовной

¹¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации : федеральный закон от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ // Рос. газета. 2003. 16 дек.

¹² Вопросы совершенствования государственного управления в Российской Федерации: указ Президента Российской Федерации от 11 марта 2003 г. № 306 // Там же. 2003. 25 марта.

¹³ По данным ГИАЦ МВД России и ГУ МВД России по Уральскому федеральному округу.

ответственности¹⁴. Многие уголовные дела, возбужденные до вступления в силу Федерального закона от 29 января 2009 г. № 383-ФЗ, были прекращены.

Так, работая в должности директора ООО «А.», Б. в декабре 2006 г., осуществив сделку по реализации ООО «С.» нежилого здания и земельного участка, после полной оплаты ООО «С.» стоимости данных объектов недвижимости с суммой НДС 9625 тыс. рублей, умышленно не предоставил ИФНС России по г. Белгороду налоговую декларацию по НДС за декабрь 2006 г., уклонившись от уплаты НДС в сумме 1071 тыс. рублей, что составило крупный размер, при этом доля неуплаченного НДС от сумм, подлежащих уплате в бюджет налогов и сборов ООО «А.», за период 2006 г. составила 52,99 %. До 1 января 2010 г. крупным размером уклонения от уплаты налогов и (или) сборов признавались суммы свыше пятисот тысяч рублей, а после этой даты - более двух миллионов рублей. В результате постановлением президиума Белгородского областного суда от 28 января 2010 г. прекращено уголовное преследование Б. по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 199 УК РФ, в соответствии с п. 2 ч. 1 ст. 24 УПК РФ в связи с отсутствием в его действиях состава преступления¹⁵.

Вместе с тем приведенные выше сведения не позволяют в полной мере судить о фактическом количестве посягательств на установленный порядок осуществления обязательных платежей. Преступления, ответственность за которые предусмотрена в ст. ст. 198, 199 УК РФ, как и экономические преступления вообще, обладают очень высокой латентностью. Подавляющая часть преступных общественно опасных деяний в сфере налогообложения остается невыявленной в связи с тем, что как таковые отсутствуют потерпевшие, виновными исполь-

зуются ухищренные способы и запутанные схемы, а между моментом совершения и обнаружения преступления проходит достаточно большой промежуток времени. По мнению некоторых исследователей, выявляемое количество преступлений составляет не более 5 % от реально совершаемых уголовно наказуемых фактов нарушений налогового законодательства [2, с. 30; 10, с. 32]. Поэтому распространенность анализируемых общественно опасных деяний гораздо шире, чем это показывают данные официальной статистики. Повышенная латентность создает ощущение безнаказанности, способствует формированию стойких преступных образований, подрывает принцип неотвратимости наказания, снижает превентивное значение уголовного закона.

По результатам проведенного опроса уклонение от уплаты налогов как распространенное явление признали 82 % сотрудников Федеральной налоговой службы и 89 % сотрудников правоохранительных органов.

Общественная опасность уклонения от уплаты налогов, детерминированная вышеперечисленными факторами, делает правовую регламентацию ответственности за посягательства в сфере налогообложения в уголовном законе социально обусловленной. Распространенность этого негативного социального явления лишней раз подтверждает обоснованность его криминализации. Охраняемые т. ст. 198, 199 УК РФ общественные отношения имеют особую ценность для общества и государства, в связи с чем наличие в уголовном законодательстве соответствующих норм является вполне целесообразным в современных условиях осуществления экономической деятельности.

Вместе с тем в ст. ст. 198 и 199 УК РФ закреплена ответственность за уклонение от уплаты не только налогов, но и сборов. Обладает ли последнее деяние достаточной общественной опасностью и распространенностью для установления а его совершение уголовно-правового запрета?

Согласно п. 2 ст. 8 НК РФ под сбором понимается обязательный взнос, взимаемый с организаций и физических лиц, уплата которого является одним из условий совершения в отношении плательщиков сборов государственными органами, органами местного самоуправления, иными упол-

¹⁴ О внесении изменений в часть первую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2009 г. № 383-ФЗ // Рос. газета. 2009. 31 дек.

¹⁵ Постановление президиума Белгородского областного суда от 28 января 2010 г. URL: <http://oblsud.blg.sudrf.ru> (дата обращения: 14.02.2013).

номоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий, включая предоставление определенных прав или выдачу разрешений (лицензий).

В действующей редакции Налогового кодекса Российской Федерации предусмотрены три вида сборов: сборы за пользование объектами животного мира, сборы за пользование объектами водных биологических ресурсов и государственная пошлина. Доход от указанных обязательных платежей составляет не такую внушительную долю консолидированного бюджета и бюджета внебюджетных фондов Российской Федерации, как, например, доход от налога на прибыль, однако довольно значителен. Так, по данным Казначейства России, в 2012 г. в бюджетную систему Российской Федерации поступило государственной пошлины на сумму 109 367 391 тыс. рублей, а сборов за пользование объектами животного мира и за пользование объектами водных биологических ресурсов в совокупности на сумму 2 259 600 тыс. рублей¹⁶. Как и налоговые доходы, поступления от сборов расходуются на финансирование социально значимых направлений государственной политики, на повышение уровня жизни населения. Вместе с тем они являются важнейшим компонентом экономического механизма природоиспользования, что способствует компенсирующему воспроизводству ресурсов и повышению качества их использования. В этой связи вряд ли можно согласиться с И. Ю. Касницкой в том, что уклонение от уплаты сборов не обладает необходимой степенью общественной опасности [8, с. 82], так как данное деяние способно нанести существенный вред правоохраняемым интересам и создает угрозу недополучения бюджетной системой запланированных денежных средств.

Тем не менее, как мы уже упоминали ранее, уголовно-правовой запрет должен формулироваться с учетом определенных принципов. Не от одной лишь общественной опасности зависит существование уголовно-правового запрета. Немалую роль играет распространенность общественно опасного деяния.

¹⁶ URL: <http://www.roskazna.ru/> (дата обращения: 10.02.2013).

Надо сказать, что в литературе ставится под сомнение возможность уклонения от уплаты сборов способом, описанным в Уголовном кодексе Российской Федерации, а значит, и возможность привлечения к ответственности за совершение этого деяния. «Хотя закон и допускает возможность уклонения от уплаты сбора путем непредставления документов, представление которых в соответствии с законодательством о налогах и сборах обязательно, такая ситуация невозможна, потому что в силу природы сбора его уплата предшествует совершению в интересах плательщика сбора государственными органами, органами местного самоуправления, иными уполномоченными органами и должностными лицами юридически значимых действий. Иными словами, обязанности представления соответствующих документов, возлагаемой на плательщика сбора, которую можно было бы нарушить, как таковой не существует, поскольку уплата сбора происходит в отличие от уплаты налога не в силу существующей правовой обязанности, а в силу реализации субъективного права лица» [28, с. 415].

Обратимся к налоговому законодательству.

Согласно ст. 3331 НК РФ плательщиками сбора за пользование объектами животного мира и сборов за пользование объектами водных биологических ресурсов признаются организации и физические лица, в том числе индивидуальные предприниматели, получающие в установленном порядке лицензию (разрешение).

Плательщики первого вида сборов уплачивают сумму сбора при получении лицензии (разрешения) на пользование объектами животного мира. Плательщики второго вида сборов - в виде разового и регулярных взносов либо в виде единовременного взноса.

Сумма разового взноса определяется как доля исчисленной суммы сбора, размер которой равен 10 %. Уплата разового взноса производится при получении разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов. Оставшаяся сумма сбора, определяемая как разность между исчисленной суммой сбора и суммой разового взноса, уплачивается равными долями в виде регулярных взносов в течение всего срока дейст-

вия разрешения на добычу водных биологических ресурсов ежемесячно не позднее 20-го числа.

Сумма сбора за пользование объектами водных биологических ресурсов, подлежащих изъятию из среды обитания в качестве разрешенного прилова на основании разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, уплачивается в виде единовременного взноса не позднее 20-го числа месяца, следующего за последним месяцем срока действия разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов.

Исходя из приведенного порядка уплаты указанных обязательных платежей нельзя согласиться с мнением О. Г. Карповича о том, что неуплата сборов исключает совершение юридически значимых действий в отношении налогоплательщика, в связи с чем, он лишен мотивации к уклонению и технической возможности его совершить [7, с. 27].

Техническая возможность уклониться от уплаты обязательного платежа у плательщика сбора существует в случае, если он получил разрешение на пользование объектами животного мира, уплатив при этом лишь 10-процентный разовый взнос, а затем не осуществляет регулярные взносы, или в случае, когда он не уплачивает единовременный взнос после истечения срока действия разрешения на добычу (вылов) водных биологических ресурсов. Мотивация в подобных ситуациях, несомненно, присутствует, так как разрешение уже получено, а обязательный платеж еще не совершен или совершен не полностью.

Что касается государственной пошлины, то в соответствии со ст. 33318 НК РФ под ней понимается сбор, взимаемый с организаций и физических лиц при их обращении в государственные органы, органы местного самоуправления, иные органы и (или) к должностным лицам, которые уполномочены в соответствии с законодательными актами Российской Федерации и нормативными правовыми актами органов местного самоуправления, за совершение в отношении этих лиц юридически значимых действий, предусмотренных главой 253 НК РФ, за исключением действий, совершаемых консульскими учреждениями Российской Федерации.

Согласно налоговому законодательству государственная пошлина чаще всего уплачивается до совершения юридически значимых действий. Однако есть исключения. Например, лица, которые выступают ответчиками в судах общей юрисдикции, арбитражных судах или по делам, рассматриваемым мировыми судьями, в случаях, когда решение суда принято не в их пользу и истец освобожден от уплаты государственной пошлины в соответствии со ст. 33317 НК РФ, уплачивают пошлину в десятидневный срок со дня вступления в силу решения суда.

Таким образом, лицо при определенных обстоятельствах имеет реальную возможность уклониться от уплаты как сборов за пользование объектами водных биологических ресурсов, так и госпошлины.

Вместе с тем в ст. ст. 198, 199 УК РФ установлена ответственность за уклонение от уплаты сбора путем непредставления документов, представление которых в соответствии с законодательством Российской Федерации о налогах и сборах является обязательным, либо путем включения в такие документы заведомо ложных сведений. Можно ли уклониться от уплаты указанных платежей именно этим способом?

Исходя из положений налогового законодательства, для оплаты госпошлины ответчиками, когда решение суда принято не в их пользу и истец освобожден от ее уплаты, предоставление каких-либо документов не требуется. Организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие пользование объектами животного мира по разрешению на добычу объектов животного мира, не позднее 10 дней с даты получения такого разрешения представляют в налоговый орган по месту нахождения органа, выдавшего указанное разрешение, сведения о полученных разрешениях на добычу объектов животного мира, суммах сбора, подлежащих уплате, и суммах фактически уплаченных сборов. Организации и индивидуальные предприниматели, осуществляющие пользование объектами водных биологических ресурсов по разрешению на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, не позднее 10 дней с даты получения такого разрешения представляют в налоговые органы по месту своего учета сведения

о полученных разрешениях на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, суммах сбора, подлежащих уплате в виде разового и регулярных взносов (ст. 333.7 НК РФ).

Основываясь на приведенном выше порядке уплаты сборов и предоставления документов, можно сделать вывод, что плательщики сборов за пользование объектами водных биологических ресурсов имеют возможность представить в налоговый орган заведомо ложные сведения о полученных разрешениях и уклониться тем самым от уплаты обязательных платежей.

Несмотря на это, уклонение от уплаты сборов нельзя назвать распространенным явлением. Ни в результате проведенного нами изучения материалов уголовных дел, ни в результате анализа теоретических источников мы не обнаружили ни одного случая привлечения к уголовной ответственности за уклонение от уплаты сборов. Полагаем, что это обусловлено тем, что не только сами налогоплательщики, но и органы, выдающие в установленном порядке разрешение на добычу (вылов) водных биологических ресурсов, представляют в налоговые органы по месту своего учета сведения о выданных разрешениях, сумме сбора, подлежащей уплате по каждому разрешению, а также сведения о сроках уплаты сбора.

Безусловно, справедливо отмечается в научной литературе, деяние, преследуемое в уголовном порядке, не может быть случайным или редким для общества, исключительным в силу сложившихся обстоятельств; и напротив, должно быть типичным, повторяющимся в разных условиях. «Возможная повторяемость - необходимое свойство деяния, отнесенного законом к числу преступления» [20, с. 218]. Однако исключение из перечня платежей, за неуплату которых установлена уголовная ответственность, сборов вряд ли целесообразно в связи с постоянным реформированием законодательства о налогах и сборах и отсутствием устоявшейся налоговой системы.

Исследуя общественную опасность уклонения от уплаты налогов и сборов, необходимо остановиться на вопросе о неуплате еще одного вида обязательных платежей - взносов во внебюджетные фонды.

До кодификации налогового законодательства основным нормативным актом,

регулирующим отношения в сфере налогообложения, был Закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2118-1 «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»¹⁷, который объединял все налоги, сборы, пошлины и другие платежи понятием «налог». Следствием тому стало установление в первоначальной редакции Уголовного кодекса Российской Федерации ответственности за неуплату только налогов. Введенная в 1998 г. часть первая Налогового кодекса Российской Федерации¹⁸ определила взносы в государственные социальные внебюджетные фонды в число федеральных налогов и сборов и распространила на них свое действие. Несмотря на это, редакции ст. ст. 198, 199 УК РФ Федеральным законом от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ были изменены и стали предусматривать ответственность за уклонение от уплаты налогов или страховых взносов в государственные внебюджетные фонды¹⁹. С введением в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации взносы во внебюджетные фонды были заменены консолидированным платежом - единым социальным налогом (взносом)²⁰. Впоследствии указание на отождествление данного платежа со взносом было исключено из законодательства о налогах и сборах²¹, в связи чем несколько с опозданием Федеральным законом от 8 декабря 2003 г. № 162-ФЗ ответственность за неуплату взносов была отменена.

¹⁷ Рос. газета. 1992. 10 марта.

¹⁸ О введении в действие части первой Налогового кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 31 июля 1998 г. № 147-ФЗ // Там же. 1998. 6 авг.

¹⁹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 25 июня 1998 г. № 92-ФЗ // Там же. 1998. 27 июня.

²⁰ О введении в действие части второй Налогового кодекса Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах: федеральный закон от 5 августа 2000 г. № 118-ФЗ // Парламентская газета. 2000. 10 авг.

²¹ О внесении дополнений и изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации и в некоторые законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах: федеральный закон от 31 декабря 2001 г. № 198-ФЗ // Рос. газета. 2001. 31 дек.

1 января 2010 г. вступил в силу Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования»²² и утратила силу глава 24 НК РФ «Единый социальный налог»²³. По существу, единый социальный налог (далее – ЕСН) был заменен страховыми взносами во внебюджетные фонды. Однако если ранее взносы в государственные социальные внебюджетные фонды относились к федеральным налогам и сборам, то ныне существующие страховые взносы во внебюджетные фонды считаются иными видами обязательных платежей и их администрирование вышло из компетенции налоговых органов. Ответственность за неуплату или неполную уплату страховых взносов регулируется не ст. 122 НК РФ, а ст. 47 Федерального закона от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования», хотя их санкции аналогичны. Вместе с тем уголовная ответственность предусмотрена только за уклонение от уплаты налогов или сборов.

²² О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования: Федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 212-ФЗ // Рос. газета. 2009. 28 июля.

²³ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона «О страховых взносах в Пенсионный фонд Российской Федерации, Фонд социального страхования Российской Федерации, Федеральный фонд обязательного медицинского страхования и территориальные фонды обязательного медицинского страхования»: федеральный закон от 24 июля 2009 г. № 213-ФЗ // Там же. 29 июля.

Полагаем, что отсутствие уголовно-правовой регламентации ответственности за уклонение от уплаты взносов во внебюджетные фонды вряд ли соответствует современным экономическим и социальным реалиям. Во-первых, уклонение от уплаты указанных платежей обладает той же общественной опасностью, что и уклонение от уплаты налогов. Внебюджетные фонды являются неотъемлемой частью бюджетной системы страны. Деньги, поступившие в указанные фонды, расходуются на ежемесячные выплаты ветеранам, инвалидам, на пособия по временной нетрудоспособности, пособия по беременности и родам, по уходу за ребенком, пособия при рождении ребенка, на решение иных вопросов социальной политики. Страховые взносы, заменившие ЕСН, составляют, по данным за 2012 г., около 15 % от всех доходов консолидированного бюджета Российской Федерации²⁴.

Высокая значимость взносов во внебюджетные фонды подчеркивалась в Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, где указывалось, что «необходимо принять меры по упорядочению налогообложения взносов работодателей в негосударственные пенсионные фонды на цели негосударственного пенсионного обеспечения своих работников с тем, чтобы размеры резервов негосударственных пенсионных фондов стали основой для повышения уровня обеспечения участников негосударственных пенсионных фондов в пенсионной системе Российской Федерации»²⁵.

Вместе с тем неуплата взносов во внебюджетные фонды оказывает влияние не только на финансовую устойчивость государства, но также на законные права и интересы граждан. Вследствие неуплаты стра-

²⁴ URL : <http://www.roskazna.ru/> (дата обращения: 14.02.2013).

²⁵ О Концепции долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года (вместе с «Концепцией долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года») [Электронный ресурс]: распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 ноября 2008 г. № 1662-р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

ховых взносов в Пенсионный фонд руководителями организаций работники остаются без пенсионного обеспечения и достойного медицинского страхования. Кроме того, своевременно невнесенные страховые взносы на страховую и накопительную часть пенсии не подлежат индексации, а в определенных случаях и инвестированию. Несвоевременная уплата взносов в Фонд социального страхования приводит к возникновению риска невозможности обеспечения работающих граждан пособиями. Исходя из этого, своевременная уплата взносов во внебюджетные фонды имеет огромную социальную значимость, а следовательно, общественная опасность неуплаты указанных обязательных платежей не вызывает сомнений.

Наряду с общественной опасностью неуплаты взносов во внебюджетные фонды, следует отметить существенный уровень распространенности этого явления. Еще до внесения изменений в Налоговый кодекс Российской Федерации ЕСН был в числе налогов, платежи по которым не всегда проводились добросовестно. После замены единого социального налога взносами, ставки по которым стали выше, дисциплинированность плательщиков упала. Задолженность перед Фондом социального страхования по страховым взносам к концу 2012 г. составила 18 808 188 тыс. рублей²⁶. О внушительных размерах задолженностей и о необходимости повышения администрирования постоянно сообщают различные территориальные отделения внебюджетных фондов²⁷.

²⁶ URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 08.02.2013).

²⁷ В центре внимания – администрирование страховых взносов: пресс-релиз от 10.02.2012 г. отделения Пенсионного фонда по Тамбовской области. URL: <http://www.pfrf.ru/> (дата обращения: 08.02.2013); Петербургское региональное отделение Фонда внедряет новую форму работы с должниками: новость от 03.02.2012 г. Петербургского отделения Фонда социального страхования. URL: <http://fss.ru/ru/> (дата обращения: 08.02.2013); Долгова И. В. Опыт работы ТФОМС Алтайского края по взаимодействию со страхователями и администраторами страховых взносов и налоговых поступлений с целью обеспечения финансовой устойчивости системы обязательного страхования // Обязательное медицинское страхование. – 2010. – № 6. – С. 54.

Таким образом, уклонение от уплаты взносов во внебюджетные фонды представляет собой общественно опасное и в то же время достаточно распространенное явление, которое нельзя оставлять без внимания законодателя. Как правильно отмечал А.М. Яковлев, в случае, «когда социально-опасное явление не получает своевременной и соответствующей его содержанию правовой оценки, борьба с ним становится менее эффективной, а ущерб, причиняемый таким явлением, не встречает должного противодействия» [20, с. 5].

Следует отметить, что регламентация уголовной ответственности за неуплату взносов свойственна многим зарубежным странам. Так, в Уголовном кодексе Финляндии в главе 29 «Преступления против общественных финансов» содержатся нормы, предусматривающие ответственность не только за неуплату налогов, но и за неуплату страховых пенсионных взносов²⁸, что способствует своевременному поступлению указанных платежей в соответствующие фонды. Общественно опасной признает неуплату страховых взносов уголовное законодательство Испании (Раздел XIV «Преступления против государственных финансов и социального обеспечения»)²⁹.

Учитывая высокую общественную опасность и достаточную распространенность нарушений при уплате взносов во внебюджетные фонды, а также влияние этого негативного явления на другие отношения и причиняемый вред, можно сделать вывод, что лишь уголовная ответственность может стать наиболее эффективным средством сдерживания и будет иметь гораздо больший положительный результат, нежели другие средства воздействия. В результате проведенного анкетирования и опроса выяснилось, что с необходимостью установления уголовно-правового запрета на совершение подобных общественно опасных деяний согласны около 60 % сотрудников налоговых органов, 84 % сотрудников правоохранительных органов и 79 % экспертов.

²⁸ The Criminal Code of Finland. Unofficial translation. Ministry of Justice, Finland. URL: <http://www.finlex.fi> (дата обращения: 11.12.2012).

²⁹ DelCodigo Penal. URL: <http://www.boe.es/buscar/doc.php?id=BOE-A-1995-25444> (дата обращения: 07.02.2013).

Несмотря на то, что на сегодняшний день страховые взносы исключены из законодательства о налогах и сборах, по природе своей они очень близки к налогам. Отношения в сфере налогообложения и обязательного социального страхования предполагают обязательность исполнения со стороны плательщика и лишены диспозитивности. Для обоих видов платежей предусмотрена легитимно закрепленная процедура принудительного изъятия в случае их неуплаты или неполной уплаты. Страховые взносы и налоги подлежат зачислению в бюджетную систему Российской Федерации, которую согласно Бюджетному кодексу Российской Федерации (далее – БК РФ) образуют федеральный бюджет, бюджеты субъектов, местные бюджеты, бюджеты государственных внебюджетных фондов. Исходя из этого, ответственность за неуплату страховых взносов, налогов и сборов считаем возможным установить в рамках одной нормы, оперируя при формулировании уголовно-правового запрета обобщенным понятием «обязательные платежи». Этот термин на сегодняшний день широко используется во многих законодательных актах³⁰. Под обязательными платежами для целей Уголовного кодекса Российской Федерации следовало бы понимать налоги и иные обязательные взносы, уплачиваемые в бюджет соответствующего уровня бюджетной системы Российской Федерации и (или) государственные внебюджетные фонды в порядке и на условиях, которые определяются законодательством Российской Федерации.

Кроме того, применение объединяющего все виды обязательных бюджетных платежей термина будет способствовать своевременному противодействию посягательствам на финансовые интересы общества и государства в случае реформирования налоговой системы или бюджетной

системы, а также введения или исключения каких-либо обязательных взносов и сборов.

На основании всего вышесказанного можно сформулировать следующие выводы.

Общественная опасность уклонения от уплаты налогов заключается в не поступлении денежных средств в бюджетную систему Российской Федерации; в причинении убытков предпринимателям, законопослушно уплачивающим налоги, и вынужденным конкурировать с недобросовестными налогоплательщиками в неравных условиях; в оказании негативного влияния на общественное сознание и снижение уровня налоговой культуры населения. Вместе с тем уклонение от уплаты налогов опосредованно влияет на иные сферы общественной жизни, постепенно срастается с иными видами посягательств в экономической сфере, а также с организованной преступностью и коррупционными проявлениями. Распространенность анализируемых общественно опасных деяний гораздо выше, чем это показывают данные официальной статистики, что подтверждает обоснованность их криминализации.

Уклонение от уплаты сборов, как и уклонение от уплаты налогов, обладает определенной степенью общественной опасности и создает угрозу недополучения бюджетной системой запланированных денежных средств. Несмотря на то, что неуплату сборов нельзя назвать распространенным явлением, исключение из перечня платежей, за неуплату которых установлена уголовная ответственность, сборов вряд ли целесообразно в связи с постоянным реформированием законодательства о налогах и сборах и отсутствием устоявшейся налоговой системы.

Уклонение от уплаты взносов во внебюджетные фонды представляет собой общественно опасное и в то же время достаточно распространенное явление, которое нельзя оставлять без внимания законодателя. Лишь уголовная ответственность может стать наиболее эффективным средством сдерживания и будет иметь гораздо больший положительный результат, нежели другие средства воздействия. Учитывая сходство по своей природе страховых взносов, налогов сборов, считаем возможным установить ответственность за их не-

³⁰ О несостоятельности (банкротстве) : федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Рос. газета. 2002. 2 нояб.; Об участии органов внутренних дел Российской Федерации в работе по обеспечению поступлений налогов и других обязательных платежей в бюджеты : указ Президента Российской Федерации от 14 декабря 1996 г. № 1680 // Там же. 1996. 19 дек.

22. Прокументов Л.М., Шеслер А.В. Криминология (Общая часть). – Красноярск, 1997. – С. 331.
23. Прохоров В.С. Преступление и ответственность. – Л., 1984. – С. 136.
24. Сабитов Р.А. Общественная опасность как критерий криминализации // Актуальные проблемы криминализации и декриминализации общественно опасных деяний. – Омск, 1980. – С. 17-28.
25. Соловьев И.Н. О квалификации налоговых преступлений // Налоговый вестник. – 2001. – № 11. – С. 120-122.
26. Соловьев И. Н. Преступные налоговые схемы и их выявление: учебное пособие. – М., 2010. – С. 232.
27. Тоболкин П.С. Социальная обусловленность уголовно-правовых норм. – Свердловск, 1983. – С. 176.
28. Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. А.И. Рарога. – М., 2010. – С. 816.
29. Фелелов П.А. Общественная опасность преступного деяния // Современное государство и право. – 1977. – № 5. – С. 135-138.
30. Фелелов П.А. Общественная опасность преступного деяния и основание уголовной ответственности. Основные методологические проблемы. – М., 1972. – С. 151.
31. Харламова А.А. Уголовно-правовые аспекты уклонения от уплаты налогов и (или) сборов: дис. ... канд. юрид. наук. – Екатеринбург, 2013. – С. 220.
32. Цанева А.Н. Налоговая преступность: детерминация и предупреждение: дис. ... канд. юрид. наук. – Краснодар, 2001. – С. 202.

УДК 347.133
ББК 67.404.04

Д.В. Пятков
кандидат юридических наук, доцент
Алтайский государственный университет,
Барнаул, Российская Федерация

О ДОПУСТИМОСТИ ОСПОРИМЫХ СДЕЛОК КАК СРЕДСТВА МЕДИАЦИИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

С учетом принципов медиации рассмотрены оспоримые сделки как специфическое средство работы медиатора. Обращено внимание на то обстоятельство, что оспоримая сделка относится к разряду действительных сделок до признания ее судом недействительной. Такое свойство оспоримых сделок предлагается учитывать в работе медиатора и не отвергать возможность их совершения, если это способствует достижению сторонами самостоятельного консенсуса. Особое внимание уделяется проблеме оспоримых сделок в связи с широко распространенным мнением о необходимости внедрения медиации в судебную практику и в практику нотариата. Отмечается, что особенность оспоримых сделок, как сделок действительных, но противоправных, может стать препятствием для использования их в качестве средства медиации, осуществляемой с участием публично-властных субъектов, поскольку в правовом регулировании их деятельности отчетливо проявляется принцип законности. Анализируются изменения, внесенные в гл. 9 Гражданского кодекса Российской Федерации Федеральным законом от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ «О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации». Сделаны предложения по совершенствованию действующего законодательства.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Медиация, оспоримые сделки, законность, противоправность.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Пятков Д.В. О допустимости оспоримых сделок как средства медиации // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

D.V. Pyatkov
Associate Professor of the Department of Civil Law
Altai State University
Barnaul, Russian Federation

ON THE POSSIBILITY OF VOIDABLE CONTRACTS AS A MEDIATION MEANS

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

Taking into account mediation principles, the paper describes voidable contracts as a specific means of a mediator's work. It draws attention to the fact that a voidable contract is a valid contract unless the court finds it invalid. The author suggests using this characteristic of a voidable contract in a mediator's work and not rejecting the possibility of concluding a contract if this helps the parties achieve consensus on their own. Specific attention is paid to the problem of voidable

contracts due to the wide spread opinion of the necessity to introduce mediation into judicial and notary practice. The article states that the peculiarity of voidable contracts to be valid but illegal might restrict them as mediation means if mediators are public authorities since the principle of legality should be inherent in their activity. The author also analyzes amendments to Ch.9 of the Russian Civil Code of May 7, 2013 # № 100-ФЗ "On the amendments to subsections 4 and 5 of Section I of the 1st part and Article 1153 of the 3rd part of the Russian Civil Code" and makes suggestions how to improve the present law.

KEYWORDS

Mediation, voidable contracts, legality, wrongfulness.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Pyatkov D.V. On the Possibility of Voidable Contracts as a Mediation Means // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

Существует мнение, что «любой самостоятельный консенсус сторон ценится намного выше, чем совершенное решение, предложенное им третьим лицом». Это высказывание профессора К. Грефин фон Шлиффен, сформулированное им как основной принцип медиации, приводит в своей статье ученый и практикующий нотариус В.В. Ралько [7]. Надо полагать, что совершенство решения, уступающего по своей ценности самостоятельному консенсусу сторон, определяется не только экономической результативностью решения, но и его соответствием законодательству. Выходит, законностью можно слегка пожертвовать ради консенсуса? Это предположение кажется особенно справедливым ввиду того что К. Грефин фон Шлиффен скептически оценивает профессиональных юристов в качестве медиаторов. Заметим, что законность не названа среди принципов медиации в ст. 3 Федерального закона от 27 июля 2010 года № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹.

Проблема соотношения принципа законности с принципами медиации тем более актуальна, что постоянно на повестке дня стоит вопрос о внедрении медиации в судебную практику и в практику нотариата, а среди участников конфликта, регулируемого с применением медиативных технологий, могут оказаться публичные

образования [1, с. 120-127; 5, с. 12-15]. Всегда ли заключение медиативного соглашения с нарушением закона означает брак в работе медиатора? Можно ли допустить, чтобы субъекты, облеченные публичной властью, сознательно нарушали закон, совершали противоправные сделки ради «самостоятельного консенсуса сторон», который так высоко ценят специалисты в области медиации? Термин «противоправность» применительно к сделкам, в частности применительно к медиативному соглашению, здесь и далее используется нами в широком значении этого слова – несоответствие поведения нормам права независимо от их источника. Похожим образом понимают противоправность авторы одного из юридических словарей [4, с. 786]. Е.А. Суханов пишет так: «... противоправным в гражданском праве считается такое поведение, которое нарушает императивные нормы права либо санкционированные законом условия договоров...» [2, с. 440]. Существует и другая, нами не разделяемая, весьма узкая трактовка противоправности: противоправно лишь то, что не просто не соответствует требованиям норм права, но нарушает их запреты [9, с. 131].

Есть все основания полагать, что в некоторых случаях при заключении медиативного соглашения противоправность может быть сознательно допущена участниками спора и медиатором, она может быть использована в качестве своеобразного приема в деле примирения, в качестве специфического средства медиации. Более того, демократизм, приватность, оперативность

¹ Собрание законодательства Российской Федерации. – 2010. – № 31. – Ст. 4162.

и отчасти рисковый характер медиации как бы заставляют ее участников балансировать на грани дозволенного поведения, иногда покидая сферу абсолютной законности. Наиболее ярким воплощением этого «права на противоправность» являются оспоримые сделки, которыми могут быть и медиативные соглашения.

Почему об этом приходится говорить, оправдывая противоправные сделки и даже предлагая их как средство медиации? Мы вовсе не призываем нарушать закон и считаем за благо, когда поведение участников общественной жизни целиком соответствует идеальным юридическим моделям. Но дело в том, что сам законодатель нередко проявляет снисхождение к нарушителям его воли и не стремится пресекать и наказывать всякое гражданское правонарушение, имея в своем арсенале иные средства реагирования на эти правонарушения. Об этом свидетельствуют и недавние изменения², внесенные в гл. 9 Гражданский кодекс Российской Федерации³ (далее – ГК РФ) и превратившие оспоримость сделок в общее правило [3, с. 33-37]. Как ни странно, отмеченная снисходительность законодателя даже среди профессиональных юристов малоизвестна, либо малопонятна.

На одном из мероприятий, посвященных медиации, нотариусу был задан вопрос: удостоверит ли он оспоримую сделку? Вопрос был уточнен так: сделка хотя и оспорима, но не признана судом недействительной. Ответ был отрицательным. Надо ли удивляться такому ответу, если широко распространено мнение, будто оспоримые сделки – это вид недействительных сделок, а в известной монографии Н.В. Рабинович «Недействительность сделок и ее последствия» прямо утверждается, что «оспоримые сделки столь же недопустимы, как и любая ничтожная сделка» [9, с. 15]. Согласно ст. 16 Основ законодательства Российской Феде-

рации о нотариате⁴ нотариус обязан отказать в совершении нотариального действия в случае его несоответствия законодательству Российской Федерации или международным договорам. Нарушение законодательства может стать основанием полной имущественной ответственности нотариуса (ст. 17 Основ законодательства Российской Федерации о нотариате). В таких условиях вряд ли кому-то захочется проводить различие между оспоримыми и ничтожными сделками.

Но рассмотрим эту ситуацию с оспоримыми сделками в деталях. Согласно ст. 168 ГК РФ сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта, является оспоримой. Из этого правила законом могут быть сделаны исключения. Одно из них предусмотрено здесь же, в п. 2 ст. 168 ГК РФ: сделка, нарушающая требования закона или иного правового акта и при этом посягающая на публичные интересы либо права и охраняемые законом интересы третьих лиц, ничтожна, если из закона не следует, что такая сделка оспорима или должны применяться другие последствия нарушения, не связанные с недействительностью сделки.

Ничтожные сделки по своей сути недействительные сделки, они недействительны изначально, а оспоримые сделки только могут стать недействительными, что следует в первую очередь из ст. 166 ГК РФ: сделка недействительна по основаниям, установленным законом, в силу признания ее таковой судом (оспоримая сделка) либо независимо от такого признания (ничтожная сделка).

Оспоримые сделки похожи на ничтожные только тем, что нормы права нарушаются при самом их совершении, но они существенно отличаются от ничтожных сделок, поскольку действуют при всей своей противоправности. Ничтожные сделки не приобретают силу, а оспоримые сделки имеют силу и часто ее сохраняют.

Например, согласно п. 1 ст. 35 Семейного кодекса Российской Федерации⁵ (далее – СК РФ) сделка, совершенная одним

² О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 7 мая 2013 года № 100-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2013. – № 19. – Ст. 2327.

³ Собрание законодательства Российской Федерации – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

⁴ Российская газета. – 1993. – 13 марта.

⁵ Собрание законодательства Российской Федерации. – 1996. – № 1. – Ст. 16.

из супругов по распоряжению общим имуществом супругов, может быть признана судом недействительной по мотивам отсутствия согласия другого супруга только по его требованию и только в случаях, если доказано, что другая сторона в сделке знала или заведомо должна была знать о несогласии другого супруга на совершение данной сделки. Верно ли, что данная сделка недействительна потому, что она совершена одним из супругов без согласия другого супруга? Очевидно, что сама по себе несогласованность действий супруга недостаточна для вывода о недействительности сделки. Тем не менее, сделка оспорима, поскольку может быть признана судом недействительной. Правильно ли считать данную сделку действительной? Без соответствующего решения суда она действительна и служит основанием возникновения прав и обязанностей точно так же, как если бы имело место согласие супругов.

Супруг, распорядившийся общим имуществом без согласия другого супруга, нарушил норму права (п. 1 ст. 35 СК РФ), но его противоправные действия сразу не становятся недействительными, приобретая на некоторое время уязвимость, свойственную оспоримой сделке. Будет ли признана данная сделка недействительной – зависит от многих факторов. Угрозу признания сделки недействительной не следует выдавать за саму недействительность. Не случайно, некоторые авторы, пишущие о недействительных сделках, вынуждены подчеркивать это обстоятельство, как бы реабилитируя оспоримые сделки в глазах юридического сообщества. Например, Н.Д. Шестакова утверждает: «... указание на то, что сделка является оспоримой, еще не влечет ее недействительности; она становится недействительной только при определенных условиях... В отсутствие данных условий сделка является действительной» [10, с. 10]. Д.О. Тузов пишет об этом так: «...оспоримость связана с идеей *действительности*: сделка, несмотря на ее пороки, влечет положительные правовые последствия и не может считаться недействительной без судебного о том решения» [8, с. 125]. Как видно из приведенной цитаты, связь оспоримости с идеей действительности заслуживает, по мнению Д.О. Тузова, особого внимания.

Строго говоря, оспоримые сделки ближе к обычным действительным сделкам, а не к ничтожным сделкам. Факт существования оспоримых действительных сделок, то есть сделок, нарушающих нормы права, но вступающих в силу, свидетельствует о дифференцированном подходе законодателя к выбору мер реагирования на противоправное поведение субъектов гражданского права. Не всякое нарушение закона будет иметь следствием недействительность сделки. Есть основания полагать, что оспоримые сделки в большинстве своем остаются в разряде действительных как по причине нежелания субъектов их оспаривать, так и вследствие истечения сроков исковой давности. Ничто в законодательстве не дает повода считать такие сделки сколько-нибудь менее значимыми, чем абсолютно правомерные действия субъектов. Государство не ждет от субъектов всегда идеального поведения как бы давая им право в некоторой степени уклониться от соблюдения тех или иных норм права. Уклонение бывает разным, оттого и различают ничтожные и оспоримые сделки.

На практике многие специалисты опасаются оспоримости сделок, ошибочно полагая, что оспоримые сделки – это скрытые от государства нарушения норм права, что действительность оспоримых сделок основана всего лишь на неизвестности государству факта нарушения норм права. В то же время у государства по этому поводу может быть иное мнение, оно готово вообще прощать субъекты за некоторые правонарушения. Почему-то мало обращается внимания на то, что ничтожностью и оспоримостью сделок не исчерпывается весь набор юридических последствий нарушения норм права при совершении сделок. Из закона известны случаи, когда нарушение норм права не влечет не только ничтожность сделки, но даже ее оспоримость (например, п. 1 ст. 162, п. 3 ст. 250 ГК РФ).

Оспоримые медиативные соглашения, заключенные с элементом противоправности, могут стать распространенным примером юридически несовершенного, но все же «самостоятельного консенсуса сторон». Мы не призываем заключать именно оспоримые медиативные соглашения, но мы утверждаем, что оспоримые медиативные

УДК 342.8
ББК 67.300

М.Ю. Безвербная
*кандидат экономических наук, доцент
Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного уни-
верситета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация*

КАК ПОВЫСИТЬ ЯВКУ НА ВЫБОРАХ: УСТАМИ ИЗБИРАТЕЛЕЙ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

В статье уделено внимание правовой культуре избирателей. Приведены основные подходы оценки поведения избирателей. Представлены результаты социологического исследования, проведенного методом анкетирования населения по вопросам электоральной активности в Иркутской области. Даны рекомендации по проведению ряда мероприятий в сфере избирательного права и процесса: повышение правовой культуры населения, создание условий для формирования у граждан устойчивой мотивации к участию в избирательном процессе, стимулирование интереса к участию в общественно-политической жизни города Иркутска, Иркутской области и страны в целом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Электоральное поведение, правовая культура избирателей, выборы; предвыборная агитация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Безвербная М.Ю. Как повысить явку на выборах: устами избирателей // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

M.Yu. Bezverbnaya
*Candidate of Economic Sciences, Associate Professor
Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation*

HOW TO IMPROVE VOTER PARTICIPATION RATES: VOTERS' POINT OF VIEW

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

The article focuses on electoral culture describing main behavioral patterns of electors. It also provides results of the sociological research conducted with the help of questionnaires on voter participation in the Irkutsk Oblast. The author concludes by giving recommendations how to conduct some electoral events to improve electoral culture of the population, how to create conditions in order to develop a stable motivation to participate in elections, and how to foster interest in the socio-political life of Irkutsk, the Irkutsk Oblast, and the country as a whole.

KEYWORDS

Electoral behavior, voter culture, elections; pre-election campaigning.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

M.Yu. Bezverbnaya. How to Improve Voter Participation Rates: Voters' Point of View // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

Исследование электорального поведения граждан в Российской Федерации представляет собой сегодня актуальную тему.

Важным аспектом правовой культуры выступает культура участия в избирательном процессе граждан-избирателей. Выборы могут выполнить свою политическую функцию только при наличии согласованного избирательного (гарантийного, отраслевого и структурного) законодательства и его исполнении всеми участниками избирательного процесса. Отсюда и выводится роль в демократических обществах институтов, осуществляющих электорально-правовое воспитание граждан, что в определенной мере обеспечивает профессионализацию избирательного процесса [2, с. 58].

Наиболее наглядно уровень правовой культуры населения проявляется в его активности в день выборов или референдума. От выбора граждан зависит дальнейшее политическое будущее страны, и непонимание этого (а как следствие, игнорирование выборов) свидетельствует о низкой электорально-правовой культуре.

При проведении избирательной кампании и осуществлении мер по повышению правовой культуры избирателей необходимо учитывать специфику национальной культуры, менталитет нации.

В настоящее время основные подходы исследователей связаны с оценкой поведения избирателей на индивидуальном уровне и степени воздействия на них политических партий и их лидеров. Известные на сегодняшний день оценки видов электорального поведения можно свести к двум подходам.

Первый подход построен на оценке поведения избирателей в ходе голосования. Здесь выделяют следующие типы электорального поведения:

- избиратели, принимавшие участие в выборах;
- избиратели, явившиеся на голосование, но испортившие бюллетень;
- избиратели, проголосовавшие против всех кандидатов;
- избиратели, не принимавшие участия в выборах (данный вид голосования можно назвать протестным голосованием).

Этот подход можно дополнить типологией элективных групп В.Г. Зарубина:

- избиратели-активисты: последовательные и не последовательные. Обе подгруппы принимают участие в выборах на всех уровнях, но первые отличаются «интересом к предвыборной кампании и позитивной оценкой значимости результатов голосования». Непоследовательные избиратели-активисты «не проявляют интереса к предвыборной кампании и не считают результаты важными для себя»;

- избиратели с колеблющимися предпочтениями. Они участвуют не во всех выборах;

- избиратели-абсентеисты. В данной группе у последовательных избирателей отсутствуют интерес к кампании и положительная оценка значения результатов выборов. Непоследовательные избиратели-абсентеисты, напротив, «проявляют интерес к предвыборной кампании и считают результаты голосования важными для себя» [3, с. 15].

На фоне этого особый интерес может вызвать модель «рационального избирателя», который взвешивает затраты и выгоды программ различных партий и затем по принципу максимальной пользы выбирает партию. Если происходит изменение в соотношении затрат и пользы, следует ожидать изменений в электоральном поведении.

Возможно использование и модели «мыслящего избирателя», который в отличие от «рационального избирателя» не формирует свои партийные предпочтения исключительно на основании совпадения своих взглядов с позицией партии и не отдает свой голос в расчете на будущее личное благополучие. «Мыслящий избиратель», находясь в ситуации принятия решения, обходится доступной политической информацией, не затрачивая усилий на ее проверку. Это рациональность, стремящаяся к минимизации затрат.

Выделяют информированных и менее информированных избирателей. Информированные зачастую неоднородны и могут интересоваться разными проблемами. Неинформированные избиратели не обладают знаниями о политике разных партий по решению спорных вопросов. Исследо-

ватели отмечают, что подобное разделение неприменимо к многопартийным системам. Известно, что избиратели стремятся использовать упрощенные формы получения информации.

Второй вариант типологии электорального поведения связан с уклонением от голосования. Уклоняющиеся от выборов могут быть реальными и фиктивными. Вслед за Р. Лэвисом выделяют фиктивные формы отклонения от выборов:

- избиратели, которых по каким-либо причинам не внесли в избирательные списки;
- избиратели, которые не получили уведомления о выборах с указанием даты и места их проведения при новой нарезке избирательных округов;
- избиратели, которых внесли в избирательные списки, но они умерли до дня проведения выборов;
- избиратели, которые фактически не живут в месте выборов или по каким-либо причинам должны голосовать в других избирательных участках;
- избиратели, которые неверно заполнили избирательный бюллетень. В статистике они учитываются среди непроголосовавших;
- избиратели, которые во время выборов были больны, но не вызвали выездную урну;
- избиратели, которые вовремя не позаботились об открепительных избирательных бюллетенях.

Граждане с неустойчивым типом электорального поведения в большинстве своем были и остаются вне властно-распределительных структур.

При обосновании неустойчивого типа электорального поведения учитываются не только оценка избирателями социально-экономических изменений и деятельности политического руководства, но и социокультурные умения и предпочтения самих избирателей. При различии и разнообразии социокультурных характеристик представители неустойчивого типа электорального поведения не надеются влиять на реальную политику с помощью участия в выборах. Об этом чаще всего свидетельствуют результаты выборов в местные представительные органы власти, здесь фиксируется низкая избирательная активность населения, поддержка выборных представителей сверху.

Большинство граждан нельзя назвать ни хорошо информированными, ни глубоко включенными в политику, ни особо активными [1, с. 122]. Существует определенная доля населения, которая не принимает участия в выборах, политика представляется для них не самой важной сферой жизни. В связи с этим уместным представляется использование.

Сегодня многими исследователями отмечается низкая правовая культура российских граждан. Это явление можно объяснить многими причинами: усталостью от бесконечной череды выборов, ухудшением экономической жизни большинства людей, неверием в возможность изменить сложившуюся ситуацию посредством выборов, правовым нигилизмом и др. Поэтому очень остро сейчас стоит проблема повышения культурно-правового уровня граждан.

В связи с вышеизложенным в Иркутской области было проведено социологическое исследование методом анкетирования населения по вопросам электоральной активности прошедших 14 сентября 2014 года выборов.

В анкетировании приняли участие 1500 человек. Из них: 1960-1984 гг. рождения - 30 %, 1985-1990 гг. рождения - 26 %, 1991-1994 гг. рождения - 44 %. Женщин - 67 %, мужчин - 33 %.

Вопросы, представленные в анкете, касались прошедших 14 сентября 2014 года выборов и отношения населения к избирательному процессу в целом. Основной целью анкетирования являлось выяснение причин низкой явки избирателей на выборы и поиск возможных путей ее повышения.

На вопрос «Голосовали ли вы на выборах 14 сентября 2014 года? Если нет, то по какой причине?» 492 респондента ответили «да», 1008 - «нет».

Среди причин, по которым люди не голосовали, следующие:

- не считаю, что мой голос на что-то повлияет - 268;
- все уже заранее определено - 184;
- трудовая занятость, учеба, болезнь, находились за городом - 244;
- нет доверия - 132;
- не интересовался кандидатами, выборами - 82;
- не считаю нужным - 78;
- не знаю свой участок - 12.

Хотелось бы отметить, что информации о проводимых выборах было достаточно, и в СМИ, на рекламных щитах, в официальных источниках информации публикуются номер избирательного участка, место нахождения участковой избирательной комиссии и помещения для голосования, номер телефона участковой избирательной комиссии, а также границы избирательного участка. Однако незаинтересованность в политической жизни является основной причиной правовой неграмотности населения. Многие не знают государственное устройство страны, не разделяют исполнительную и законодательную власть. Об этом свидетельствуют ответы на следующий вопрос.

Так, на вопрос: **«Какие выборы проходили 14 сентября 2014 года?»**, 286 опрошенных ответили «Не знаю, затрудняюсь ответить», 218 человек считали, что выборы проходили «в Законодательное собрание», 12 – «в Правительство Иркутской области», 46 – «депутатов в Государственную Думу», 26 – «в органы местного самоуправления».

Но все-таки 342 человека ответили, что выбирают «Депутатов» (однако не уточнили на какой уровень законодательной власти), а 570 опрошенных порадовали – «в Думу города Иркутска».

В соответствии с Федеральным законом Российской Федерации от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее – ФЗ № 157) днем голосования на выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации, органы местного самоуправления является второе воскресенье сентября года, в котором истекают сроки полномочий указанных органов или депутатов указанных органов¹.

При проведении анкетирования респондентам был задан следующий вопрос:

¹ О внесении изменений в Федеральный закон «О политических партиях» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: федер. закон РФ от 2 октября 2012 г. № 157-ФЗ // Российская газета. – 2012. – 5 октября. – № 5903.

«Считаете ли вы день, установленный как единый день голосования удачным (второе воскресенье сентября)? Если нет, то какой день (месяц) был бы оптимальным для большей явки избирателей? Почему?» Ответы были такими: «Да, является удачным» – 845 человек; «Нет, не является удачным» – 418; «День голосования не важен» – 237.

Основной причиной, по которой избиратели не пришли на свои участки в единый день голосования, явилось то, что в сентябре основная численность населения либо в отпусках, либо закрывают дачный сезон, большинство избирателей находится за городом. Так ответили более половины опрошенных.

Респонденты, ответившие, что единый день голосования не является удачным для голосования, указали, какой день был бы оптимальным для большей явки избирателей:

- В октябре – 932;
- Второе воскресенье ноября, декабря – 358;
- Февраль-март – 138;
- Пятница или суббота – 29;
- Любой рабочий день недели – 28;
- Первое число любого месяца для удобства – 15.

Однако, в соответствии с п. 6 статьи 2 ФЗ № 157 голосование на выборах может быть назначено только на воскресенье. Не допускается назначение голосования на нерабочий праздничный день, на предшествующий ему день, на день, следующий за нерабочим праздничным днем, и на воскресенье, которое объявлено в установленном порядке рабочим днем. Если второе воскресенье сентября, на которое должны быть назначены выборы, совпадает с нерабочим праздничным днем, или предшествующим ему днем, или днем, следующим за нерабочим праздничным днем, либо второе воскресенье сентября объявлено в установленном порядке рабочим днем, выборы назначаются на третье воскресенье сентября.

На вопрос: **«Как вы считаете, по какой причине явка избирателей низкая на выборах?»** опрошенные ответили следующим образом:

- Считают, что голос ни на что не влияет, не решает – 410;
- Нет доверия к кандидатам – 316;

– Граждане не верят, что результаты выборов зависят от них – 286;

– Незаинтересованность общества в политической жизни, равнодушие – 204;

– Низкий уровень правовой культуры, правовая неграмотность населения, правовой нигилизм – 105;

– Все на дачах, сезон сбора урожая – 68;

– Разочарование во власти, подорванное доверие к власти – 28;

– Мало информации о выборах – 26;

– На выходной день другие планы – 24;

– Нет достойной кандидатуры – 12;

– Кандидаты не достаточно активны в период предвыборной кампании – 10;

– Лень – 11.

Для того чтобы население узнало о кандидатах на тех или иных выборах граждане и общественные объединения вправе проводить агитацию.

Предвыборная агитация – деятельность, осуществляемая в период избирательной кампании и имеющая целью побудить или побуждающая избирателей к голосованию за кандидата, кандидатов, список, списки кандидатов или против него (них).²

Порядок проведения предвыборной агитации установлены Федеральным законом Российской Федерации от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления» (далее – ФЗ № 138)³. Так, предвыборная агитация может проводиться:

– через средства массовой информации;

– путем проведения публичных предвыборных мероприятий (собраний и встреч с избирателями, публичных предвыборных дебатов и дискуссий, митингов, шествий, демонстраций, иных публичных мероприятий);

² Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации: федер. закон РФ от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 03.02.2015) // Собрание Законодательства РФ. – 2002. – № 24. – Ст. 2253.

³ Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления: федер. закон РФ от 26 ноября 1996 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.06.2014) // Собрание Законодательства РФ. – 1996. – № 49. – Ст. 5497.

– путем выпуска и (или) распространения печатных, аудиовизуальных и иных агитационных предвыборных материалов.

В связи с этим, интересно в исследовании было посмотреть на отношение людей к предвыборной агитации. На вопрос: «**Как вы относитесь к предвыборной агитации?**» были получены такие ответы:

– Негативно, плохо, отрицательно – 415;

– Положительно – 323;

– Хорошо – 228;

– Нейтрально, терпимо, все равно – 165;

– Никак, это просто слова, обещаний много, результатов мало – 127;

– Бесплезная трата денег – 74;

– Равнодушно, с некоторым раздражением – 54;

– Не эффективна – 40;

– Не правдива – 35;

– Навязчиво – 35;

– Она обязательно должна быть – 4.

В целом, население интересуется предвыборной кампанией, и, следовательно, был задан следующий вопрос: «**Берете ли вы печатные издания, буклеты, газеты у агитаторов за кандидатов, когда они вам их предлагают? С какой целью? Если нет, то по какой причине?**» Ответы получили такие: «Да» – 722; «Нет» – 603; «Иногда, редко» – 175.

Из тех, кто ответили «Да», мы выяснили, для чего они берут агитационные материалы. Избиратели ответили: «чтобы проанализировать информацию о кандидатах; чтобы ознакомиться с избирательной программой кандидата; просто посмотреть, почитать». Были и такие ответы: «облегчить руки раздающего; жалко тех, кто раздает».

А вот, среди тех, кто ответил «Нет», причины были указаны следующие: «не всегда пишут правду, нет правдивой информации, ложь; не считаю нужным; нужную информацию найдут сами».

Конечно, нас интересовал вопрос: «**Какие методы предвыборной агитации вы считаете более успешными?**», на который были получены следующие ответы:

– Личная встреча кандидатов с избирателями с возможностью задать вопросы – 633;

– Действия, конкретные дела, выполненные обещаний – 372;

– Теледебаты – 102;

- Листовки, буклеты, печатная продукция – 95;
- Публичное выступление, полная открытость перед обществом, телеагитация – 83;
- Организация городских праздников, мероприятий для детей – 63;
- Концерты с информационной привязкой – 46;
- Горячие линии кандидатов (обратная связь) – 32;
- через сайты – 28;
- административные, через руководителя – 18;
- СМИ – 15;
- Строительство детских площадок, ремонт жилых помещений, дорог – 13.

При ответах на данный вопрос избиратели показали, что ждут конкретных дел и действий от кандидатов, однако это запрещено законодательством. Это подтверждает неграмотность населения в вопросах избирательного права и процесса, и, одновременно, говорит о бездействии предыдущих кандидатов, занимающих свои депутатские места.

Так, в соответствии со статьей 25 ФЗ № 138 кандидаты и их уполномоченные представители не вправе передавать избирателям денежные средства, вручать подарки и иные материальные ценности, за исключением вознаграждения за выполнение предвыборной организационной работы (дежурство на избирательных участках, сбор подписей и тому подобное), проводить льготную распродажу товаров, бесплатно распространять любые товары, за исключением печатных, в том числе иллюстративных, материалов, а также значков, специально изготовленных для избирательной кампании. Кандидаты и их уполномоченные представители не вправе при проведении предвыборной агитации воздействовать на избирателей обещаниями передачи им денежных средств, ценных бумаг и иных материальных благ. Со дня регистрации до подведения общих итогов голосования не допускается проведение кандидатами, избирательными объединениями благотворительной деятельности, а также лотерей на территории соответствующего избирательного округа.

Вопрос «**Как можно повысить явку избирателей на выборах?**» волнует не только

исследователей, но и кандидатов, а также и избирательные комиссии. Вот как отвечали люди:

- Выполнять обещанное, меньше слов, больше дела – 623;
- Затрудняюсь ответить – 312;
- Создать мотивацию населения, повысить доверие избирателей к результатам выборов и самой власти – 236;
- Не задумывались – 125;
- Больше встречаться с избирателями – 98;
- Социальные льготы, денежные средства, денежное или иное поощрение, подарки, лотереи – 57;
- Повышение правовой грамотности населения – 37;
- Сделать обязательной – 12.

Радует, что были и такие ответы: «Осознание каждого»; «Честностью кандидатов». А также были и нестандартные предложения избирателей: «Ввести новые технологии голосования «без отрыва от дивана» (электронные)»; «Доставка работающих на избирательные участки»; «Ввести вознаграждение за отсутствие пропуска выборов в течение трех лет»; «Понизить коррупционную обстановку, повысить эффективность обратной связи с избирателями».

Существует определенная доля населения, которая не принимает участия в выборах, политика представляется для них не самой важной сферой жизни. В связи с этим уместным представляется использование понятия гражданской культуры как смешанного типа, при котором одни граждане политически активны, а другие – пассивны. Это способствует сохранению баланса между чувством обязательности участия в политической жизни и реальным участием, с одной стороны, и между властью людей, находящихся у власти, и их ответственностью перед избирателями, с другой стороны. В рамках подобной культуры гражданин не включен в политику постоянно. Он обладает неким резервом влияния.

Многие граждане уверены, что они в состоянии оказывать влияние на власть и при необходимости это подтвердят. Но пока такие избиратели удовлетворены системой, обстановкой в стране и уверены в своих силах, да и в людях, находящихся у власти, они верят в то, что их кандидат останется у

власти и без их поддержки на выборах. При таком подходе немалая доля людей не участвуют в выборах.

Индикатором интереса к политике является важность событий, происходящих в политической сфере. На интерес к политике оказывает воздействие и такой фактор, как слабая информированность населения. Кроме того, многие вынуждены работать в нескольких местах из-за недостаточности денег для существования. У такого избирателя не остается ни сил, ни желания интересоваться политикой. В этих условиях политическая жизнь становится не самой важной в жизни человека [5, с. 35].

С точки зрения М.В. Масловской, политическая и правовая культура избирателей складывается, в частности, из следующих факторов: а) понимания необходимости прежде всего собственного участия в выборах и б) осознания того, что выборы – наиболее эффективный способ формирования политической власти и каждый, кто стремится повлиять на политическую и экономическую ситуацию в государстве, должен активно участвовать в формировании представительной и исполнительной власти, органов местного самоуправления [4, с. 30].

Социологическое исследование показало, что необходимо проведение целого ряда мероприятий в сфере избирательного права и процесса: повышение правовой культуры населения, создание условий для формирования у граждан устойчивой мотивации к участию в избирательном процессе как ре-

ализации своего конституционного права, стимулирование интереса к участию в общественно-политической жизни города Иркутска, Иркутской области и страны, формирование активной гражданской позиции, обучение избирателей.

Реализация мероприятий в данном направлении предполагает совместную деятельность избирательных комиссий области и города во взаимодействии в соответствии с законодательством с местными отделениями политических партий, общественными объединениями, органами государственной власти, органами местного самоуправления, образовательными учреждениями, учреждениями культуры и другими организациями.

Необходимо проводить мероприятия по повышению правовой культуры избирателей, в том числе образовательного, информационного и организационного характера, направленных на создание разнообразных, полномасштабных, действенных и эффективных форм правового просвещения и обучения, соответствующих сферам законодательства всех социальных, культурных и возрастных групп участников избирательного процесса.

Все это позволит улучшить эффективность работы по повышению правовой культуры и образования в сфере избирательного права и избирательного процесса, уровня доверия избирателей к выборам, а также оказать существенное влияние на электоральное поведение граждан.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. – 1992. – № 4. – С. 122-123.
2. Загородский В.В. Правовая культура в контексте права избирать и быть избранным // Общество и право. – 2010. – № 1. – С. 56 – 60.
3. Зарубин В.Г. Элективное действие и формирование корпуса российских избирателей: опыт социологического анализа: автореферат дис. ... докт. социол. наук. – Санкт-Петербург, 1998. – 42 с.
4. Масловская М.В. Избирательный процесс как разновидность социальной деятельности // Конституционное и муниципальное право. – 2006. – № 3. – С. 29 – 31.
5. Шемелин А.В. К вопросу об основных теориях изучения электорального поведения // Конституционное и муниципальное право. – 2008. – № 15. – С. 33 – 38.

УДК 15(075.8)
ББК 88.52.73
Б 90

А.Г. Терещенко

кандидат психологических наук, доцент

Н.Г. Васильев

кандидат философских наук, доцент

*Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация*

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОЙ ОБУСЛОВЛЕННОСТИ ДЕВИАНТНОГО И ДЕЛИКВЕНТНОГО ПОВЕДЕНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

Девиантное поведение может иметь различные формы, одни из которых во внешние реакции негативного отношения к окружающим, а другие выступают как психологическое состояние. Рассмотренные аспекты девиантного поведения с позиций возрастных границ дают возможность поставить вопрос о социально-психологической профилактике предупреждения девиантного поведения. Успешному регулированию девиантных форм поведения должны способствовать эффективная социальная политика, вся система социальных институтов, направленная на стабилизацию негативных девиаций в обществе. Этому способствует множество обстоятельств и условий как социально-экономических, так психолого-физиологических. Резкое социальное неравенство, неэффективность осуществляемой политики, примитивные общественные отношения не могут не порождать недовольство, конфликт, принимающих формы открытых и латентных социальных отношений. В статье рассматривается процесс актуализации у населения страны потребности в адаптации к новым ценностям и условиям жизни. Показывается роль сохраняющихся в сознании людей представлений о прежней социальной среде, существенно ограничивающие ресурсы и потенциальные возможности субъектов адаптации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Способы и модели адаптации, дезадаптация, девиантное поведение, деликвентное поведение, негативная и позитивная девиация.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Терещенко А.Г., Васильев Н.Г. Особенности социальной обусловленности девиантного и деликвентного поведения // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

A.G. Tereshchenko,

Candidate of Psychological Sciences, Associate Professor

N.G. Vasilyev

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor

Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,

Irkutsk, Russian Federation

PECULIARITIES OF SOCIAL DEPENDENCE OF DEVIANT AND DELINQUENT BEHAVIOR

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

Deviant behavior can have many forms, some of which are external reactions of the negative attitude toward other people, while others are a psychological state. The considered age aspects of deviant behavior raise the issue of socio-psychological measures to prevent this behavior. Effective social policy, as well as the whole system of social institutions aimed at stabilizing negative deviations in the society, should contribute to a successful regulation of deviant forms of behavior. Both socio-economic and psycho-physiological factors make it difficult. Sharp social inequality, primitive social relationships cannot but give rise to dissatisfaction and conflict which take the shape of open and latent social relationships. The paper focuses on how the population of the country adapt to new values and standards of living. It also shows the role that conceptions about the former social reality, which still dominate people's minds, play in limiting resources and potential chances of adaptees.

KEYWORDS

Ways and models of adaptation, disadaptation, deviant behavior, delinquent behavior, negative and positive deviation.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

A.G. Tereshchenko, N.G. Vasilyev. Peculiarities of Social Dependence of Deviant and Delinquent Behavior // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

В настоящее время в России произошли значительные изменения, связанные с реформированием социальной системы. Это актуализировало у всего населения страны потребность в адаптации к новым ценностям и условиям жизни. Однако, все еще сохраняющиеся в сознании людей представления о прежней социальной среде, существенно ограничивают ресурсы и потенциальные возможности субъектов адаптации. Значительная часть населения не может органично «встроиться» в новые условия жизни.

Различным проблемам переходного периода посвящены работы А.Г. Здравомыслова, Е.С. Балабанова, Л. Гордона, З.И. Даниловой, Л.Л. Шпака и др. [1,2]. Авторы рассматривают проблемы преодоления деструктивных явлений в обществе, анализируют взаимодействия человека и среды, обосновывают адаптационный потенциал индивида, особенности адаптации к новым условиям жизни.

Способы и модели адаптации человека – это социально типичные способы удовлетворения потребностей. А.И. Ходаков [3], выбрав для типологии критерий личностных отношений, выделяет активно адаптирующуюся, пассивно адаптирующуюся и конфликтно адаптирующуюся личность. Е.Шустова предлагает типологию лично-

сти, учитывающую степень вовлеченности человека в процесс удовлетворения потребностей. В связи с этим, она выделяет два типа адаптации: адекватную, которая имеет место тогда, когда человек согласен с социально одобряемыми способами удовлетворения потребностей, и неадекватную (криминальную), которая наблюдается в тех случаях, когда человек ради удовлетворения потребностей использует социально неприемлемый способ [4].

Объяснение природы дезадаптации, девиантного поведения рассматриваются в концепции Э. Дюркгейма, Р. Мертона, агрессии – Э. Фромма, Дж. Долларда, а также в теории конфликта. Важное методологическое значение в изучении деструктивных отклонений имеют положения Э. Дюркгейма о поведении личности, детерминированной социальной средой: вследствие процессов дезинтеграции, выражающихся в состоянии аномии, происходит распад системы норм, которые гарантируют общественный порядок. Отсутствие четкой моральной регуляции поведения индивидов способствует росту негативных девиаций, в том числе, суицидов [5].

Неудовлетворенные социальные потребности, разрушение привычной этики взаимоотношений, культурных норм взаимодействия часто приводят людей к деза-

даптации. Одним из доказательств негативной адаптации к современным переходным условиям жизни является наличие различных форм деструктивного поведения: преступлений, наркомании, алкоголизма, психических расстройств, суицидов. Отдельные формы негативного, отклоняющегося, поведения могут рассматриваться как результат, приспособление определенных лиц к новым видам социальных отношений. Часть людей выбирают данный путь вполне осознанно, вследствие открывшихся возможностей для такого рода деятельности.

Развитию негативных девиаций в обществе способствует множество обстоятельств и условий как социально-экономического, так и психологического и физиологического характера. Во-первых, главным в генезисе отклонений является переходное состояние общества от одной системы к другой. Социологи отмечают, что особенно высок уровень девиаций в странах, переживающих переходный период, где наблюдается неустойчивая власть, экономическая и политическая нестабильность, высокая степень социальных конфликтов. Во-вторых, рыночная экономика коррелирует не только со свободой и демократией, но и с более высоким уровнем девиантного поведения. В условиях рыночных отношений вся система взаимосвязей облегчает преступную деятельность. Рыночная экономика способствует расслоению общества и усиливает противоречие между ее социальными слоями, иногда формирует мотивацию противоправного поведения. Блокировка социальной мобильности приводит к росту напряженности в обществе, вынуждает людей искать средства к существованию разными способами, в том числе и нелегальными.

Рост негативных адаптаций обусловлен низким уровнем жизни населения, безработицей, готовностью ряда людей к противоправному образу жизни. Резкое социальное неравенство, неэффективность осуществляемой политики, криминализация общественных отношений не могут не порождать недовольство, конфликты, принимающие формы открытых и латентных социальных отклонений.

Произошедшие в стране реформы устранили традиционные формы социального контроля, системы воспитания и

профилактики девиантного поведения. В результате произошедших преобразований были разрушены привычные стереотипы сознания, нормы поведения и морали. Характерной чертой современного общества является идеологический вакуум, дезорганизация, деидеологизация, служащие почвой для развития негативных адаптаций.

Рост девиаций вызван, прежде всего, резким ухудшением социально-экономического положения большинства социума, снижением уровня социальной защищенности населения. Однако девиации вызваны не только социальными, но и биологическими причинами. По мнению многих исследователей, такие социальные болезни, как алкоголизм, суицид, наркомания, чаще детерминированы генетической предрасположенностью, нежели социальной. Корни девиации лежат также в сохранившихся распределительных отношениях государственных структур. Действующий принцип «разделяй и властвуй» ведет иногда к распределению материальных благ путем выборочного механизма. При этом следует учитывать, что и в нормально развивающихся странах отмечается тенденция стабильного развития негативных социальных отклонений. Лица девиантного поведения в развитых странах составляют приблизительно 5-10% от общей численности населения. В застойные годы многие данные о негативных социальных отклонениях занижались. На рост негативных социальных отклонений влияют и факторы ментального происхождения, культурных традиций народов, своеобразная «выручка в беде». Развитость клановости, землячества, порой, приводят к тому, что многие противоправные действия остаются без наказания. Резкий рост негативных девиаций является свидетельством низкой адаптированности населения к реформам, требует неотложного проведения комплекса мер по их снижению и устранению.

Неизменным спутником экономических спадов является рост суицидов. Они совершаются, как правило, неадаптированной частью населения. Их главными причинами являются отсутствие материальных перспектив, безработица, нищета, вызывающие психологические стрессы, дискомфорт. Особенно ранимыми являются подростки с

их неустойчивой психикой. Они совершают суициды под влиянием конфликтов в школе, семье, неудач в учебе, несчастной любви. Большая часть самоубийств совершается под воздействием алкоголя, наркотических средств, когда сужается сознание и небольшие проблемы превращаются в катастрофу. Так, по данным статистики, число умерших от суицида в расчете на 100 тысяч человек населения составляет 94,4 человека. Кроме этого, следует выделить и такие тенденции:

- значительный рост суицидов;
- самоубийства происходят преимущественно у мужчин;
- пожилые люди чаще уходят из жизни, чем лица других возрастных категорий;
- среди семейных людей суициды встречаются реже, чем среди одиноких.

Проблемой для общества является рост наркомании, алкоголизма, токсикомании, проникающие во все возрастные, социальные и профессиональные слои и группы населения. Росту этих форм девиаций способствует разрушение системы выявления, лечения и реабилитации лиц, злоупотребляющих наркотическими средствами и алкоголем. По сравнению с 1995 годом распространенность алкогольного психоза по России увеличилась на 47,9 % .

В результате резкого ухудшения материального положения населения появилось такое новое социальное явление, как нищенство, бродяжничество. Растет число людей, не имеющих постоянного места жительства (бомжи). Нищенство для некоторых становится профессией.

Главным в генезисе развития социальных девиаций является усиление социального неравенства, вызванного противоречиями между имеющимися потребностями и возможностью их удовлетворения. Противоречивость и неустойчивость новых социальных взаимодействий, некоторая размытость общечеловеческих ценностей, рост напряженности в обществе усиливают рост негативных адаптаций и девиантного поведения. Особенно настораживающим обстоятельством является его рост среди детей и подростков. Именно поэтому в системе воспитания детей и подростков необходимо уделять особое внимание на любые, казалось бы, незначительные проявления нарушенного, отклоняющегося от нормы, поведения.

Большинство исследователей, определяя девиантное поведение, подчеркивают такой существенный признак, как отклонение от нормы. При этом ученые особое внимание уделяют правовым, нравственным, этическим, социальным и психическим нормам здоровья. Девиантное поведение определяется как нарушение социальных и культурных норм поведения, норм психического здоровья. Эту позицию разделяет Кон И.С. [6]. Однако, наличие у человека невроза, не обязательно должно привести к отклоняющемуся поведению. Поэтому включать в перечень показателей отклоняющегося поведения и нормы здоровья представляется неоправданным. А вот социальные, нравственные, этические и правовые нормы, регулирующие общественное поведение людей и их взаимоотношения с обществом, определяющие исторически сложившийся в конкретном обществе интервал допустимого поведения в деятельности людей, могут быть рассмотрены как показатели девиантного поведения. Социальная норма находит свое воплощение в законах и традициях, в образе жизни людей. Так, правовые нормы оформляются в виде свода законов, их нарушение влечет за собой наказание, предусмотренное законом. Процесс усвоения правовых норм складывается из четырех аспектов: а) осведомленность о нормах, их понимание; б) отождествление своего поведения с нормой; в) желание следовать норме; г) способность индивида реализовать норму.

Многочисленные исследования показывают, что правосознание подростков с девиантным поведением отличается следующими особенностями:

- наблюдается мнимая осведомленность о правовых нормах;
- отмечается затруднение в сопоставлении своего поведения и требований закона;
- отсутствуют навыки применения правовых знаний в конкретной ситуации;
- наблюдается оценка поступка не нормой закона, а мотивами действия;
- зависимость правосознания от влияния взрослых, мнения группы.

Нарушение нравственных и этических норм вызывает общественное порицание, осуждение.

Для понимания сущности девиантного поведения необходимо уточнить, в какую сторону может быть отклонение от нормы. Отклонения от нормы могут иметь положительную и отрицательную направленность. Ученые утверждают, что нормально развивающееся общество состоит на 10-12 % из «героев» и на 10-12 % из «нарушителей» [7]. Поэтому и героизм, и самопожертвование можно оценивать как отклонения от нормы в жизнедеятельности человека, поскольку такое поведение не предписано социальными нормами, не предусматривает мер воздействия. Следовательно, девиантное поведение – это не всякое отклонение от общепринятых социальных норм, а только такое, которое осуждается обществом.

Важным аспектом проблемы изучения девиантного поведения является вопрос о его возрастных границах. Процесс усвоения личностью норм поведения специфичен на разных этапах развития человека. Известно, что изначально поведение маленького ребенка социально не нормативно. Нормы усваиваются им в процессе социализации. Например, никому в голову не придет назвать девиацией действия ребенка, испортившего какой-нибудь шедевр. В действиях малыша скорее бы усмотрели процесс усвоения функций предмета. Действия же взрослого человека в этом случае считают вандализмом. Общеизвестно, чтобы нарушить те или иные нормы, их надо сначала усвоить, признать за норму, целесообразную границу. Об отклонении от нормы можно говорить лишь в тех случаях, когда поведение человека не соответствует возрастным нормам социализации личности.

Индивид в процессе жизнедеятельности усваивает общепринятые нормы, систему разрешенных и запретных действий (можно – нельзя). Именно они выполняют роль внешних границ, в соответствии с которыми человек программирует свое поведение. Во взаимодействии со средой (в деятельности, в проявлениях активности, в процессе воспитания и образования, при усвоении социального опыта) происходит расширение или сужение нормативных границ. Качественно-количественными характеристиками этих границ являются упорядоченность, обобщенность, нагруженность, объем, устойчивость, выполняющие

регулятивную функцию. В подростковом возрасте особенно интенсивно происходит интернализация сложных систем нормативного поведения, осуществляется переход к использованию сложных механизмов внутренней регуляции собственного поведения на основе усвоенных норм. Внешние границы в виде осознанных, принятых, усвоенных норм превращаются во внутренние границы личности. При этом внешняя норма должна иметь свой внутренний эквивалент. В подростковом возрасте нормативность также приобретает ценностно-смысловые образования. Идет внутреннее выстраивание ценностно-смысловой сферы. Значительную роль в этом процессе играют переживания и рефлексия.

Однако у части лиц с деструктивным, девиантным поведением внутренние границы по некоторым причинам не могут реализовываться адекватным способом, они оказываются недостаточно выстроенными (например, человек попал в чужую для него субкультуру, болезненное состояние и т.д.). В этом случае внутренние границы характеризуются неопределенностью, неупорядоченностью. Возможно также искажение количественно-качественных характеристик, например, под влиянием какой-либо патологии, криминальной субкультуры. У творческой личности может наблюдаться неоправданное увеличение объема границ. Они могут быть слишком «жесткими», неизменными на протяжении длительного времени или, наоборот, слишком часто трансформироваться. Характер внутренних границ личности и определяет ее поведение. Причины же девиантного поведения следует рассматривать как факторы или условия, влияющие на его проявления.

Таким образом, сутью девиантного поведения является осуждаемое обществом отклонение от общепринятых социальных норм в результате несформированности или искажения количественно-качественных характеристик внутренних границ личности, что, в свою очередь, ведет к нарушению взаимодействия личности и общества [7].

Исходя из анализа основных подходов к определению сущности понятия девиантного (отклоняющегося) поведения, можно выделить его основные черты:

– отклоняющееся поведение – это поведение, которое не соответствует общепринятым или официально установленным социальным нормам;

– девиантное поведение личности вызывает негативную оценку со стороны других людей, которая имеет форму общественного осуждения или социальных санкций, в том числе уголовного наказания;

– отклоняющееся поведение наносит ущерб самой личности или окружающим людям (суицидальное поведение, насильственные преступления, употребление наркотиков), вызывает страдание;

– отклоняющееся поведение является стойко повторяющимся, сопровождается различными проявлениями социальной дезадаптации;

– отклоняющееся поведение является выражением индивидуального и возрастнополового своеобразия.

Отклонения в поведении могут быть обусловлены следующими причинами:

– социально-педагогической запущенностью, когда человек ведет себя неправильно в силу своей невоспитанности, отсутствия позитивных знаний, умений, навыков или в силу неправильного воспитания, сформированностью негативных стереотипов поведения;

– глубоким психологическим дискомфортом, вызванным неблагополучием семейных взаимоотношений, отрицательным микроклиматом в семье, систематическими учебными неудачами, не сложившимися взаимоотношениями со сверстниками и коллективом класса, неправильным (несправедливым, грубым, жестоким) отношением к нему со стороны родителей, учителей, друзей и др.

– отклонениями в состоянии психического и физического здоровья и развития, возрастными кризисами, акцентуациями характера и другими причинами физиологического и психоневрологического свойства;

– отсутствием условий для самовыражения, разумного проявления внешней и внутренней активности; незанятостью полезными видами деятельности, отсутствием позитивных и значимых социальных и личных жизненных целей, и планов;

– безнадзорностью, отрицательным влиянием окружающей среды и развиваю-

щейся на этой основе социально-психологической дезадаптацией, смещением социальных и личных ценностей на негатив.

Периодом повышенного риска в развитии девиантного поведения считают подростковый возраст. Это обусловлено, во-первых, трудностями переходного возраста, во-вторых, неопределенностью социального положения подростка, в-третьих, перестройкой механизмов социального контроля (детские формы контроля, основанные на соблюдении внешних норм и послушании, уже не действуют, а взрослые способы, предполагающие сознательную дисциплину и самоконтроль, еще не сложились и не окрепли), в-четвертых, наличием акцентуированных черт характера.

Девиантное поведение является проявлением социальной дезадаптации личности. Следует отметить, что социальная дезадаптация – процесс обратимый. Воспитательной задачей является не только предупреждение отклонений в психосоциальном развитии подростка, но и организация процесса ресоциализации и социальной реабилитации дезадаптированных подростков. Под ресоциализацией принято понимать организованный социально-педагогический процесс восстановления социального статуса, утраченных или несформированных социальных навыков дезадаптированных несовершеннолетних, переориентация их социальных установок за счет включения в новые позитивно ориентированные отношения и виды деятельности педагогически организованной среды.

Девиантное поведение может проявляться в различных правонарушениях и проступках. Оно может быть:

– антидисциплинарное (пропуски занятий, нарушение дисциплины и др.);

– асоциальное, представленное всеми видами «социальных патологий» или форм девиантного поведения: алкоголизм, наркомания и токсикомания, проституция, бродяжничество и попрошайничество, суицидальное поведение и др.;

– деликventное (антисоциальное) поведение (вандализм, хулиганство, кражи и др.).

Девиантное поведение относительно, а деликventное поведение абсолютно. Элита может считать свое поведение нор-

мой, а поведение представителей других групп, особенно низших, – отклонением. Поведение считается таковым относительно культурных норм данной группы. Но делинквентное поведение абсолютно по отношению к законам страны. Делинквентность это разновидность девиантного поведения человека, не соответствующее общепризнанным в данном обществе (государстве) правовым нормам, либо нарушающие вышеназванные нормы, влекущие в отношении нарушителя применения мер правового воздействия, в частности, конституционно-правового, административного, дисциплинарного, материально-правового, гражданско-правового, а также уголовно-правового характера. Делинквентное поведение юношества (как наиболее опасная разновидность его девиантного поведения) характеризуется рядом специфических особенностей. Делинквентное поведение предполагает нарушение правовых норм, господствующих в данном обществе, то есть, наиболее важных социальных норм, гарантированных к применению и использованию авторитетом и силой государства под угрозой неотвратимого применения мер обязательного государственного воздействия. Типология делинквентного поведения основывается на основаниях классификаций норм права – по юридической силе; по отраслям права; по форме правового предписания; по форме предписываемого поведения и т.д.

Девиантное поведение в зависимости от природного фактора может быть патологического и непатологического типов [8]. Среди непатологических типов девиантного поведения выделяют:

- микросоциальную педагогическую запущенность. В этом случае основные деформации связаны с учебно-воспитательным процессом, отношением к учебной деятельности, учителям, нормам школьной жизни и школьного распорядка;

- ситуативную, связанную с психологическими реакциями. Происходящие нарушения поведения относительно кратковременны, ситуативно обусловлены, психологически понятны. Проявляются они лишь у определенных лиц и в определенной обстановке, не выходят за рамки среды и не сопровождаются расстройствами психофи-

зиологических функций. Среди ситуативно обусловленных реакций выделяют: реакции пассивного протеста (отказ от пищи, общения, уход из дома и др.), реакции активного протеста (грубость, агрессивность), реакции компенсации (усиление тех или иных личностных проявлений, которые в поведении либо маскируют черты характера, либо являются средством психологической защиты); реакции имитации (поведенческие проявления, связанные с повторением способов поведения сверстников или взрослых, обладающих авторитетом).

Патологические типы девиантного поведения – нарушения поведения, вызванные патологией психического развития, нервно-психическими заболеваниями органического характера (острые аффективные реакции, патохарактерологические реакции).

Выделение типов, форм и видов девиантного поведения свидетельствует о сложности и многогранности данного явления и выступают основой для организации целенаправленной коррекционной работы в соответствии с установленным типом отклоняющегося поведения.

Профилактическая работа по предупреждению девиантного поведения должна вестись систематически. Ранняя профилактика включает в себя: создание благоприятных условий социального развития личности, изучение индивидуально психологических особенностей личности, выделение подростков группы «риска», возможность наблюдения за формированием их характера.

Ранняя профилактика вырабатывает предупредительные меры по устранению причин и условий, вызывающих отклонения в поведении и развитии детей. С этой целью целесообразным представляется использование системы мер по профилактике отклонений в поведении: проведение бесед, использование комплексных процедур диагностики по выявлению предрасположенности к отклонениям в поведении, изучение окружающей подростка среды, предоставление учащимся объективной информации о влиянии табака, алкоголя, наркотиков и др. на организм человека, формирование у них негативного отношения к девиантному поведению сверстников, формирование умения противостоять их негативному давлению.

Все выше перечисленное свидетельствует о необходимости принимать действенные меры по профилактике и коррекции имеющих место в обществе социальных девиаций. Успешному регулированию девиантных форм поведения должны способствовать эффективная социальная политика, вся система социальных институтов, направленная на стабильное развитие общества.

Мерами по смягчению и устранению негативных девиаций могут быть:

- жесткий социально-правовой контроль за реальными и возможными криминальными процессами;
- создание условий для формирования устойчивой правовой среды, активизация работы правоохранительных органов;
- наведение порядка в бюджетной сфере и экономической жизни;
- оказание адресной социальной помощи мало адаптированным группам населения;
- пропаганда нравственного и трудового воспитания среди граждан;
- формирование общественного мнения против коррупции, преступности, создание механизма влияния на общественное мнение через СМИ;

- формирование общечеловеческих ценностей, правовой культуры и правового сознания;

- мероприятия по созданию центров социальной помощи лицам, освобожденным из мест лишения свободы, домов пребывания для бездомных, социальных приютов для детей и подростков;

- особое внимание должно уделяться проблемам подростковой преступности, социальной реабилитации несовершеннолетних правонарушителей;

- экономическая поддержка особо нуждающимся многодетным семьям;

- профилактика социальной напряженности, безнадзорности др.

Большинство негативных акцентуаций характера в подростковом возрасте может сгладиться или вовсе исчезнуть с наступлением зрелости, с изменением внутренних биофизиологических процессов и состояний психики. Поэтому, особенно в современных социально-экономических условиях, необходимо создавать и реализовывать такие модели воспитания, которые бы учитывали возможность возникновения девиантного поведения, помогали бы молодому человеку преодолевать возможные проявления негативных акцентуаций характера.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. А.Г. Здравомыслов Социология конфликта: Россия на путях продолжения кризиса. – М., 1995. – 313 с.
2. Балабанова Е.С Социально-экономическая зависимость и социальный паразитизм: стратегия «негативной асоциальности» // Социальные исследования. – 1993. – №4. – с 46-57.
3. Ходаков А.И. Социально-психологические условия адаптации рабочих в производственном коллективе. – Л., 2006. – 84 с.
4. Шустова Н.Е. Социальная адаптация личности: автореф. дис. к.филос.н. – М, 1997 – 21 с.
5. Дюркгейм. Э Ценностные ориентации и реальные суждения//Социологические исследования. – 1991. – №2. – С 106-114.
6. Кон И.С. Психология юношеского возраста. М.:Просвещение, 1987. – 256 с.
7. Гордон Л. Социальные изменения в условиях кризиса переходного периода // Экономические и социальные перемены: мониторинг. – В.Цион-1994. – №6. – с 11-14.
8. Данилова З. А Социальная адаптация населения в условиях кризиса (региональные аспекты) Автореферат дисс. доктора социологических наук. – СПб,1999. – 44 с.
9. Мертон Р. Социальная структура и аномалия // Социологические исследования. – 1993. – №3. – С. 68-73.
10. Фромм Э. Бегство от свободы. – М, 1990. – 269 с.
11. Шпак Л.Л. Социокультурная адаптация в современном обществе: философско-социальные проблемы. – Красноярск, 1991. – 263 с.
12. Мананова Е.И. к вопросу о сущности девиантного поведения // Ежегодник российского психологического общества: Материалы 3-го всероссийского съезда психологов. – СПб.: изд-во С.-Петерб. ун-та., 2003.
13. Ковалев А.И. Социология личности: норма и отклонение. – М.: Ин-т молодежи, 2006.

УДК 1(091)
ББК 87.3

Я.Н. Казанков

аспирант кафедры теории и истории государства и права

Н.Г. Васильев

кандидат философских наук, доцент

*Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Иркутск, Российская Федерация*

ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ И ДОКАЗЫВАНИЯ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

Рассматривается содержание юридических категорий доказывания и доказательства с позиции философских оснований. Вывод о сложной логико-информационной структуре указанных правовых понятий, объективно основанных на синтезе рационально-теоретических положений и дедуктивной мыслительной деятельности субъекта правоприменения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Доказательства; доказывание; правоприменение; рациональное познание; формы познания.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Казанков Я.Н., Васильев Н.Г. Философские основания юридических категорий доказательств и доказывания // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

Ya.N. Kazankov

a graduate student of the Department of Theory and History of State and Law

N.G. Vasilyev

*Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor
Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,
Irkutsk, Russian Federation*

PHILOSOPHICAL FOUNDATIONS OF LAW CATEGORIES OF EVIDENCE AND PROOF

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

The paper considers law categories of evidence and proof in terms of philosophical foundations. The authors make a conclusion about the complex logical information structure of these categories which are based on the synthesis of ratio-theoretical and deductive thinking activity of the law enforcement officer.

KEYWORDS

Evidence, proof, law enforcement, rational cognition, forms of cognition.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Ya.N. Kazankov, N.G. Vasilyev. Philosophical Foundations of Law Categories of Evidence and Proof // Prologue: Law Journal – 2016. – № 1.

Основное практическое и теоретическое значение правопонимания и права состоит не в том, что это одна из форм отражения и выражения реально существующих явлений, вещей, а именно в том, что наше сознание в данном случае в форме правосознания – не только отражает объективный мир, но и во многом творит, создает его.

Правовые явления как продукт сознания, конструкция всякого правосознания – это результат нашей интерпретации, нашего субъективного понимания и поэтому это всегда нечто неадекватное, нетождественное и в этом смысле нечто новое в сравнении с освоенными сознанием реальными явлениями как по своему непосредственному содержанию.

В правовом сознании и в правовом развитии любого общества в принципе не может быть преодолен социально-субъективный, субъективно-ценностный и при этом всегда конкретно-исторический подход (в смысле объективной ограниченности историческими рамками и обстоятельствами любых субъектов правосознания и правотворчества). Признание этого обстоятельства имеет принципиально значение, особенно при решении вопроса о возможном содержании правовых норм и его развитии.

Собственно правовые нормы выступают в качестве нормативно-регулятивной системы и способны воздействовать и воздействуют на реально происходящие социальные процессы, выступая, таким образом, в качестве одного из факторов, вызывающих те или иные практические социальные последствия. По сути, им принадлежит роль важного, а порой и незаменимого средства удовлетворения потребностей и интересов людей и в частности, так называемых правовых представлений и притязаний.

Регулятивная функция действующих юридических норм (объективного права) проявляет себя как составная часть объективно, фактически существующей реальности, и в этой связи собственно право автономно также и по отношению ко всякому правосознанию, как с точки зрения его содержания и требований, так и по отношению к непосредственно-регулятивной функции, присущей правосознанию.

В связи с этим следует особо подчеркнуть, что практическое значение права состоит в его способности «проникновения в будущее» – в способности формирования будущего поведения людей. Это необходимо сделать не только для того, чтобы отметить очевидный факт опережения во времени процесса объективизации права (и соответственно проявления его действительности, активности, инструментальности) по отношению к конкретной социальной реальности, но в смысле необходимости решения вопроса о правильном соотношении (в каждый конкретный момент и применительно к данным конкретным отношениям, фактам) причины и следствия, средства и результата, а также о возможности и необходимости в соответствующих условиях их взаимных переходов «одно в другое», вычисления роли собственно права как одного из детерминирующих факторов применительно к конкретным социальным последствиям.

Правовые представления, право, все правовые системы не есть некая абсолютная самоцель, а лишь форма выражения и одно из средств удовлетворения духовных и материальных потребностей и притязаний людей, снятия существующих и потенциально возможных конфликтов, противоречий, проблем. И в этой связи так называемое господствующее правосознание и основанные на нем правовые нормы нуждаются хотя бы в минимуме признания, понимания, восприятия их внутренней логики, в каком-то минимуме социальной оправданности.

Проблема правопонимания весьма сложная, так как данная проблема не может быть рассмотрена, осмыслена и оценена в отрыве от морали, идеологии, политики, от интересов и требований конкретных индивидов. Например, негативная практика недооценки в прошлом и сейчас принципа формального равенства, злоупотребления со стороны государства в процессе осуществления им правовой, законотворческой политики (например, в тоталитарных государствах), а также острая потребность в придании праву большого, самостоятельного общественного значения, повышения степени его относительной независимости

и активности по отношению к другим общественным явлениям и процессам, тем не менее, не означает в этой степени необходимости отказа от правовой политики вообще, отказа от целенаправленного подчинения поведения людей тем или иным идеалам и соответствующим нормам.

Философские понятия и категории, будучи метафизическими явлениями, присутствуют во всех разделах научной мысли, даже если последние обладают выраженной прагматической направленностью. Так и сугубо прикладные отрасли российского права (административный, арбитражный, гражданский и уголовный процессы, криминалистика, предпринимательское право и т.п.) испытывают на себе влияние философских оснований. В частности, основы теории доказательств базируются на категориях отражения, абстрагирования, наличия социального объекта познания, предметно-утилитарного знания и др. [9; с. 441, 450-453, 455].

Опосредованное познание, основанное на рациональном (логическом) компоненте, суть доказывание – логически-мыслительная деятельность следователя, дознавателя, прокурора, суда по собиранию, проверке и оценке доказательств, подчинённая законам логического мышления, обеспечивающего правильность формирования умозаключений [3; с. 6-7].

В трактовке ряда авторов (С.С. Алексеев, В.М. Семенов, М.К. Треушников, К.С. Юдельсон) доказывание представляет собой познавательный процесс получения истинного знания об искомых обстоятельствах дела, реализуемый в деятельности суда и лиц, участвующих деле, с использованием предусмотренных законом средств [8; с. 122].

Доказывание принято трактовать в широком и узком смыслах: в первом – как осуществление всей познавательной деятельности субъектов, ведущих процесс, охватывающей не только оценку, но и собирание, и проверку доказательств, во втором – лишь как логическую деятельность по обоснованию выдвигаемого тезиса [1; с. 78].

Логическая форма познания в правоприменении (доказывание) базируется на определённых средствах – юридических доказательствах. Выдающийся исследователь процессуального права Я.О. Мотовиловкер вывел важнейший процессуальный посту-

лат: термин «доказательство» применяется в научной литературе для обозначения: а) доказательственного факта; б) средства доказывания; в) источника доказательств; г) результата доказывания [6].

Использование доказательств в процессуальном праве основано на философских теориях отражения, абстракции, применении в синтетической динамике философских категорий понятия, суждения и умозаключения и пр. Субъект правоприменения выделяет существенные для данного конкретного случая (юридического дела) фактические обстоятельства, что является одним из проявлений способности к отражению существенного в предметах познания и способности к конструированию на основе познания сущности предметов идей-понятий, подлежащих опредмечиванию [2; с. 214-215].

Доказательственные факты представляют собой факты действительности, которые сами юридического значения для дела не имеют, но находятся в определенной связи с фактами предмета доказывания. Доказательственные факты, как и обстоятельства предмета доказывания, устанавливаются судом с помощью доказательств [5].

Как совершенно справедливо отмечает С.Б. Россинский, процессуальное доказывание – не что иное, как специфическая разновидность познавательной деятельности. Информационная теория доказательств предполагает их рассмотрение в качестве информационных сигналов, поступающих из объективной реальности в сознание субъекта доказывания и способствующих формированию там соответствующих познавательных образов [10; с. 73].

Информационная теория имеет большое значение здесь и потому, что судебные доказательства состоят из двух органически взаимосвязанных элементов: сведений о фактах (содержание) и средств доказывания (процессуальная форма) [4; с. 271], т.к. последний фактор является сугубо информационной составляющей логического процесса доказывания.

Кроме того, значение философских оснований рельефно просматривается в контексте рассмотрения единства формы и содержания доказательства. Ведь в своей имманентной взаимосвязи содержание и форма (содержание представляет ведущую,

УДК 347.9
ББК 67.410

Ю.Н. Шеметова

инструктор Центра методологии судебной и договорной работы

В.Г. Нестолий

доцент кафедры гражданского права и процесса

Иркутский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России),

Иркутск, Российская Федерация

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ ЛИСТ И ТРЕТЕЙСКОЕ (АРБИТРАЖНОЕ) РЕШЕНИЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Дата поступления: 01.07.2015

АННОТАЦИЯ

Согласно закону фактические обстоятельства и нормы права, которые применяет третейский суд (арбитраж), не являются предметом внимания компетентного суда. Тем не менее, можно предположить, что если арбитражное (третейское) решение не вызывает у компетентного суда доверия, то суд найдет легальные основания к отказу в выдаче исполнительного листа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Исполнительный лист, третейский разбирательство, извещения и вызовы.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Шеметова Ю.Н., Нестолий В.Г. Исполнительный лист и третейское (арбитражное) решение // Пролог: журнал о праве / Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

Yu. N. Shemetova,

instructor of the Methodology Center for Judicial and Contract Work

V.G. Nestoly

Associate Professor of the Department of Civil Law and Procedure

Irkutsk Institute of the Russian State University of Justice,

Irkutsk, Russian Federation

WRIT OF EXECUTION AND ARBITRATION DECISION

PUBLICATION DATA

Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.
Submission date: 01.07.2015

ABSTRACT

According to the law, factual circumstances and law norms used by the arbitration are not considered in the court having jurisdiction. Nevertheless, it can be assumed that if a court having jurisdiction finds an arbitration decision untrustworthy, the court will find legal grounds to refuse the issuing of the writ of execution.

KEYWORDS

Writ of execution, arbitral proceedings, notification and subpoena.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Yu. N. Shemetova, V.G. Nestoly. Writ of Execution and Arbitration Decision // Prologue: Law Journal. – 2016. – № 1.

1. Обязательность арбитражного решения (В. Г. Нестолий). В соответствии со ст. 41 проекта Федерального закона «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» (по состоянию на 8 мая 2015 г.)¹ арбитражное решение признается обязательным и подлежит немедленному исполнению сторонами, если не установлен иной срок исполнения. Представляется, что иной срок исполнения может быть установлен решением, правилами арбитража или арбитражным соглашением. Статья 41 говорит, что арбитражное решение принудительно приводится в исполнение посредством выдачи исполнительного листа в соответствии с законом об арбитраже и положениями процессуального законодательства. Это предписание содержит существенную ошибку. **Законы о третейском разбирательстве (арбитраже) не должны вторгаться в область регулирования кодекса гражданского судопроизводства, например, содержать элементы регламента, в котором компетентный суд постановляет определение о выдаче исполнительного листа.** Третейские суд или арбитражное учреждение есть органы частной юрисдикции. Законы о третейских судах не должны определять деятельности государственных суда, то есть суда в собственном смысле этого термина.

Верная формула иная: «Арбитражное решение приводится в исполнение компетентным судом в порядке, предусмотренном Кодексом гражданского судопроизводства». Излишне указание на то, что арбитражное решение принудительно приводится в исполнение. Арбитражное решение есть акт органа частной юрисдикции. Частные органы и частные лица не должны получать возможность давать указания государственным судам и федеральной службе принудительного исполнения. Принудительно приводится в исполнение не арбитражное решение, а определение компетентного суда о разрешении взыскателю обращаться в исполнительный орган и агентам исполнения

¹ КонсультантПлюс: справочная правовая система.

и просить о применении мер принуждения к должнику. Названное разрешение одновременно является приказом исполнительному органу и агентам исполнения применять названные меры, в частности, совершать действия по исполнению вместо должника (продать имущество и погасить задолженность) и воздействовать на его личность (ограничение на выезд за рубеж, ограничение водительских или иных специальных прав). Сказать о том, что арбитражное решение принудительно приводится в исполнение, означает сказать, что принудительно приводится в исполнение договор или решение частных лиц.

2. Арбитражные решения представляют собой акты частной юрисдикции (В. Г. Нестолий). Государственные суды, строго говоря, не должны делать выводов о законности / незаконности, действительности или недействительности решений иной (частной и общественной) юрисдикции, подобно тому как нельзя делать таких выводов о судебных постановлениях иного государства. Другое дело, что государство может приводить или не приводить в исполнение арбитражное решение, соглашаясь или не соглашаясь с ним. Если арбитражное решение и обязательно, то обязательно оно для сторон, а не для государства, муниципальных образований, юридических лиц и граждан.

Однако из ст. 43 проекта Закона о третейском разбирательстве следует, что арбитражное решение может являться основанием для внесения записи в государственный реестр, в том числе реестр прав на недвижимость и сделок с ним, если сопровождается исполнительным листом, выданным на основании определения компетентного суда. При этом исполнительные листы компетентный суд должен выдавать и в отношении арбитражных решений, не требующих принудительного приведения в исполнение. Сказать о том, что приведенная формула ошибочна – ничего не сказать. Исполнительный лист выдается для того, чтобы кредитор мог подчеркнуть – он предъявляет требование к должнику в надлежащей правовой форме и под контролем государства. Если арбитражное решение не требует

приведения в исполнение, то отсутствует необходимость обращаться в компетентный суд для того, чтобы государство признало его обязательность. Дело в том, что арбитражное решение обязательно только для сторон третейского разбирательства и лишь до тех пор, пока стороны не договорились об ином. Судебное решение обязательно не только для лиц, участвующих в деле, но и для государства, которое его постановило, а также для всех муниципалитетов, граждан и юридических лиц этого государства. Что же касается решений из юрисдикции, то с точки зрения формы обязательны решения, но акты компетентного российского суда об их признании.

Если последовательно идти дорогой, которая предложена в ст. 43 проекта Закона о третейском разбирательстве, то можем прийти к выводу, что арбитражи вправе выносить решения по делам о разводах, и другие решения о гражданских состояниях. Как известно, состояния фиксируются в определенных реестрах, подобно правам на недвижимость и правам в отношении юридических лиц. (Кстати, названные права во многом и определяют состояние субъекта). Что касается прав на недвижимость, то споры о данных правах должны быть подсудны только российским судам по месту нахождения недвижимости. Поскольку юридическим лицам может принадлежать недвижимость, то споры об управлении юридическими лицами также должны быть подсудны только российским судам, а не судам иных юрисдикций, в том числе частных.

Существует позиция, согласно которой государство представляет собой непосильную ношу для налогоплательщика, что налогоплательщик «заживет хорошо», как только получит возможность отделиться от государства. При этом забывают сказать, что бизнес налогоплательщика существует благодаря инфраструктуре, созданной трудом предшествующих поколений, и существует благодаря государству. Есть мнение, что судопроизводство дорого обходиться, на содержание судебной системы налогоплательщики несут слишком большие расходы, что «суд – привилегия, и не должен быть доступен для каждого». Ничего не поделаешь, мы должны согласиться с расходами и признать их необходимость, подобно

тому, как признаем необходимость расходов на содержание и развитие вооруженных сил. Государство обладает суверенитетом, исключительная компетенция государства по разрешению споров о правах на недвижимость и споров об управлении юридическими лицами, есть одно из проявлений суверенитета. При этом никто не может быть уверен в том, что отказ от суверенитета для него лично обернется благом, скорее всего очень многие потеряют много и никогда не приобретут.

3. Отказ в приведении в исполнение арбитражного решения (Ю. Н. Шеметова). Статья 43 проекта Закона о третейском разбирательстве говорит, что в приведении арбитражного решения в исполнение путем выдачи исполнительного листа может быть отказано лишь по основаниям, установленным процессуальным законодательством. Такая формула не обладает необходимой определенностью, существуют разные взгляды насчет того, какое законодательство является процессуальным. Поэтому правильным будет сказать, что компетентный суд может отказать в выдаче исполнительного листа по основаниям, которые установлены законодательством о гражданском судопроизводстве (Кодексом гражданского судопроизводства). В настоящее время, согласно п. 2 ч. 1 ст. 426 ГПК РФ (ред. 6 апр. 2015 г.), суд отказывает в выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, если сторона, против которой принято решение третейского суда, представит доказательства того, что она не была уведомлена должным образом о третейском разбирательстве, в том числе о времени и месте заседания третейского суда, либо по другим уважительным причинам не могла представить суду свои объяснения.

Из Апелляционного определения Красноярского краевого суда от 28 апр. 2014 г. по делу № А33-2525, А-57 следует, что Красноярский арбитражный третейский суд издал решение о расторжении договора купли-продажи земельного участка, а также обязал покупателя вернуть земельный участок продавцу². Железнодорожный городской суд

² КонсультантПлюс : справочная правовая система.

постановил выдать исполнительный лист. В частной жалобе представитель указал, что ответчик не был своевременно уведомлен о времени и месте заседания третейского суда, а также на то, что ответчик произвел оплату по спорному договору. Красноярский краевой суд, разбирая жалобу, указал, что частью 2 ст. 4 Федерального закона от 24 июля 2002 г. № 102-ФЗ «О третейских судах»³ (ред. 21 нояб. 2011 г.) устанавливает, что документы и иные материалы направляются заказным письмом с уведомлением о вручении или иным образом, предусматривающим фиксацию доставки указанных документов и материалов. В действующем Законе о третейских судах говорится, что документы и иные материалы считаются полученными в день их доставки, хотя бы адресат не находится или не проживает по адресу, заранее определенном стороной. Ответчику направили 16 августа 2013 г. заказное письмо по месту проживания, но 20 августа 2013 г. **в почтовом ящике ответчика оставили не извещение о предстоящем заседании третейского суда, а почтовое уведомление о необходимости получения заказного письма.** Таким образом, документы и материалы о заседании суда не были доставлены на адрес ответчика 20 августа 2013 г. в связи с отсутствием ответчика. Заказное письмо по данному уведомлению ответчик получил 3 сентября 2013 г. В заказном письме сказано, что заседание третейского суда состоится 27 августа 2013 г. Таким образом, ответчик пропустил день заседания третейского суда, так как получил письмо с извещением о третейском разбирательстве после того, как заседание состоялось. Суд первой инстанции посчитал, что приведенные доводы внимания не заслуживают, но краевой суд решил дело в пользу ответчика.

Краевой суд руководствовался следующими мотивами. Согласно ч. 3 ст. 27 действующего Закона о третейских судах, уведомление о времени и месте заседания третейского суда должно быть направлено заблаговременно. Уведомление о рассмотрении дела направили 16 августа 2013 г. из Красноярска. В почтовое отделение Желез-

ногорска уведомление поступило 20 августа 2013 г. Рассмотрение дела было назначено на 27 августа 2013 г. В течение времени от поступления уведомления в почтовое отделение до даты разбирательства в третейском суде невозможно полноценно подготовиться к заседанию третейского суда.

Согласно ч. 2 ст. 3 проекта Закона о третейском разбирательстве документы и иные материалы направляются по последнему известному месту нахождения организации или по месту жительства гражданина заказным письмом с уведомлением о вручении или иным способом, предусматривающим фиксацию попытки доставки документов и материалов. Документы (материалы) считаются полученными в день такой доставки (фиксации попытки доставки), даже если сторона по этому адресу не находится или не проживает.

В нашем случае, даже если считать, что уведомление о заседании третейского суда получено ответчиком в день доставки извещения о необходимости получения заказного письма в почтовом отделении, нельзя не согласиться с тем, что уведомление было направлено ответчику несвоевременно.

Несвоевременное уведомление не позволило, в свою очередь, ответчику устранить основание иска о расторжении договора купли-продажи земельного участка. Скорее всего, основанием выступил факт отсутствия платежа по договору.

Кроме того, спор о расторжении договора купли-продажи земельного участка есть спор о правах на недвижимое имущество, если на основании договора купли-продажи за покупателем было зарегистрировано право собственности на земельный участок. Причиной отказа в приведении в исполнение решения третейского суда в данном случае мы видим то, что такое решение не может создавать обязанностей для органа, осуществляющего государственную регистрацию прав на недвижимость. Обязанность возвратить земельный участок на стороне покупателя может возникнуть в том случае, если его право собственности на участок уже возникло в результате государственной регистрации.

Отметим, третейское решение, в нашем случае не прекращает споров между сторонами. Покупатель перечислил деньги, если

³ Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3019.

компетентный суд выдаст исполнительный лист об отобрании земельного участка, то на стороне истца, выигравшего дело, возникнет обязанность возвратить деньги покупателю. Разумеется, эта обязанность не будет носить бесспорного характера с формальной точки зрения, и стороны правоотношения окажутся в неравном положении. Продавец отберет участок у покупателя, а последний будет вынужден обращаться в тот же самый третейский суд с требованием о возврате денег.

Коль скоро договором предусмотрено, что сторона, не получившая денег, вправе требовать расторжения договора и возвращения участка, то из того же договора следует, что сторона требующая возвращения участка обязана вернуть покупателю деньги. Это тот договор, в котором исполнение обязанностей каждой стороны обусловлено исполнением встречных обязанностей другой стороны. Пунктом 3 ст. 328 ГК РФ (в ред. 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ) установлено, что ни одна из сторон обязательства, по условиям которого предусмотрено встречное исполнение, не вправе требовать по суду исполнения, не предоставив причитающегося с нее по обязательству другой стороне. Итак, есть опасность, что продавец заберет земельный участок у покупателя и не возвратит денег, которые ответчик заплатил за объект недвижимости. Против требования продавца о возвращении денег, сопровождаемого исполнительным листом, невозможно возражать, удерживая вещь, подлежащую передаче продавцу. Исполнительный лист может быть выдан продавцу, если он возвратил земельный участок покупателю.

Вышеизложенное позволяет предложить важное правило, **ошибки процедуры, допущенные арбитражем (третейским судом), как правило, говорят о том, что с материальной стороны орган частной юрисдикции также допустил ошибку**. Скорее всего, третейскому суду требуется быстро рассмотреть вопрос о расторжении договора, чтобы покупатель не успел исполнить обязанность заплатить деньги за спорный земельный участок. Получив деньги, продавец не решается их немедленно вернуть покупателю, поскольку не уверен в окончательном исходе дела, кроме того, он может и не располагать такими возможностями.

Вместе с тем, предложим и обратное правило, которым целесообразно руководствоваться. **Если с точки зрения материального права арбитражное решение вызывает сомнения, то чаще всего, это говорит о том, что третейский суд допустил нарушение процедуры, являющиеся основанием к отказу в выдаче исполнительного листа** (п. 4 ч. 2 ст. 421 ГПК РФ). Нарушение процедуры пришлось допустить как раз для того, чтобы вынести сомнительное решение.

4. Вместо заключения (Ю. Н. Шеметова). Если решение не вызывает сомнений с точки зрения правильности применения норма материального права, компетентный суд не защищает интересов стороны, проигравшей третейское разбирательство, а соглашается с тем, что исполнительный лист должен быть выдан истцу, возбудившему дело в третейском суде. Так, например, третейским решением с ответчиков была взыскана задолженность по кредитному договору солидарно. Ответчики решение третейского суда не исполнили добровольно. Поэтому банк обратился в Усть-Илимский городской суд с заявлением о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда. Городской суд определил выдать исполнительные листы. Один из ответчиков обжаловал определение в Иркутский областной суд, посчитав, что исполнительный лист должны выдать против должника по кредитному обязательству, то есть против заемщика. Ответчик же является не заемщиком, а поручителем, который ручался перед банком за исполнение кредитного договора заемщиком. Судебная коллегия по гражданским делам Иркутского областного суда указала, что нет оснований для отказа в выдаче исполнительного листа. Судебная коллегия разъяснила, что ст. 363 ГК РФ устанавливает, что при неисполнении или ненадлежащем исполнении должником обеспеченного поручительством обязательства поручитель и должник отвечают перед кредитором солидарно. Судебная коллегия определила оставить без изменения определение Усть-илимского городского суда, а частную жалобу оставить без удовлетворения. (См.: Апелляционное определение Иркутского областного суда от 9 июля 2014 г. по делу № А-335569/14).

5. Итог (Ю. Н. Шеметова). Официально компетентный суд, когда рассматривает заявление о выдаче исполнительного листа, не исследует фактических обстоятельств дела, которые были установлены третейским судом, а также не пересматривает решение суда по существу. По закону компетентный суд лишь проверяет наличие оснований на выдачу исполнительного листа, а также соблюдение всех требований предусмотренных в законе для проведения третейского разбирательства. Тем не менее, фактические обстоятельства и нормы права, которые применил третейский суд, являются предметом внимания компетентного суда. Так Иркутский областной суд счел необходимым обратиться к ст. 363 ГК РФ, чтобы удостовериться в законности решения третейского суда о солидарном взыскании с должника и поручителя. Можно предположить, что если третейское решение не вызывает у компетентного суда доверия, то суд найдет законные основания для отказа в выдаче исполнительного листа. Красноярский краевой суд потому счел, что ответчик своевременно не был уведомлен о времени предстоящего третейского разбирательства, что правильность применения норм материального права вызвала у краевого суда сомнения. Но это всего лишь предположение, поскольку приведенные мотивы Красноярского краевого суда звучат весьма убедительно.

6. Предположение (В. Г. Нестолый). Третейские суды (арбитражи) не вправе рассматривать споров о правах на недвижимость. Если такой спор разбирает суд общей юрисдикции, то всякий гражданин или организация имеет возможность вступить в дело в качестве третьего лица с самостоятельными требованиями на предмет (материальный объект) спора и заявить о своих правах на объект недвижимости. Такой возможности нет применительно к третейскому разбирательству, да и не всякий, полагающий себя субъектом права на спорную недвижимость, пойдет на риск судебного разбирательства в неизвестном ему арбитраже, который может оказаться недружественным к третьему лицу и лицепривратным по отношению к истцу и ответчику, инсценировавшим спор. Мы возражаем против рассмотрения дел о правах на недвижимость не только в арбитражах, но и в судах по экономическим спорам (арбитражных судах). Последние должны рассматривать только дела, которые законом прямо отнесены к их компетенции независимо от субъектного состава. Это корпоративные споры, банкротство, споры по предпринимательским сделкам и хозяйственным обязательствам, круг участников которых заранее известен или определим.